ПИОНЕР

П 29
34

22

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“ 1935 г.

Наши постоянные читатели очень удивятся, получив в 1936 году первый номер журнала „Пионер“. Они привыкли к журналу, привыкли читать 24 странички, привыкли получать журнал два раза в месяц. А в 1936 году в журнале будет 128 страниц, в пять раз больше, зато и выходить он будет один раз в месяц.

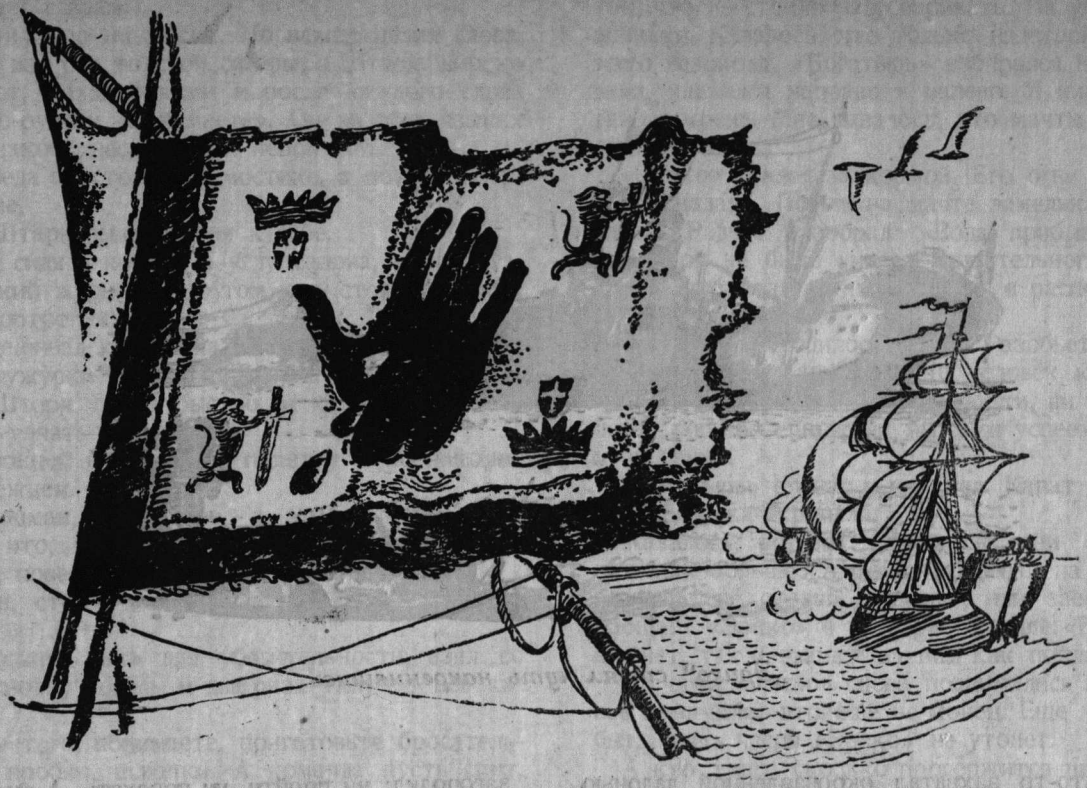
В № 1 будут напечатаны:

Голубая чашка — рассказ Аркадия Гайдара
Про веселого туриста — стихи Сергея Михалкова
Веер Тэнгу — японская сказка
Рассказы о Ленине — Марии Ильиничны Ульяновой
Тайны мозга (об ожогах словом, о сложной работе мозга) — А. Югова
О поездке в Турцию — Л. Кассиля
Случай из гражданской войны — рассказ орденоносца В. Хлебникова
Приключения в Атахуальто — приключенческая повесть немецкого писателя Теодора Пливье
Антипыч — рассказ М. Пришвина
Рассказ про говорящую собаку — М. Лоскутова
По пути Гольфстрима (путешествие „Садко“) — проф. Н. Н. Зубова
Научные телеграммы
Биоскоп
Ожившие кляксы
Загадки доктора Корабеллиуса и многое другое.

Цена номера — 1 руб. 30 коп.

Подписка на 3 месяца стоит 3 руб. 90 коп.
„ на 6 „ „ 7 руб. 80 коп.
„ на 1 год „ 15 руб. 60 коп.

Подписка принимается в каждом почтовом отделении.



Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

ПОТОМОК ВИКИНГА

А. Некрасов

Рисунки П. Нисского

Норвежский пароход «Эрико», груженый мукой, шел в Оху и в тумане сбился с курса. Он крепко сел на мель, пропорол левый борт и погнул гребной вал.

Капитан не хотел просить помощи. Он решил сняться своими силами: часть муки свезли на берег, остальную сбросили за борт, потом на шлюпке завезли якоря и попробовали судовыми лебедками сдернуть «Эрико» с мели. Но грунт оказался слабым. Якоря пахали песок, и пароход не сдвинулся с места.

Тогда «Эрико» дал сигнал бедствия.

Я в то время был боцманом на портовом ледоколе «Богатырь» и не поверил, когда услыхал, что нас посылают на помощь. Наш ледокол все лето простоял на приколе, и в порту говорили, что мы пустили корни в берег. Казалось, что на сборы уйдет неделя. Но мы приналегли и собрались в тот же день.

400 тонн угля погрузили за 8 часов, взяли водолазов, доски, цемент и вечером вышли из порта.

«Богатырь» делал по 17 миль в час, и все-таки никто не верил, что мы поспеем вовремя: в ноябре Охотское море редко бывает спокойным, а шторм за 2 часа превратил бы «Эрико» в щепки. Но ему повезло с погодой: 13 суток подряд не было свежего ветра.

Мы пришли на четвертый день, рано утром. Я вышел на мостик. Наш капитан, Леонтий Игнатьевич Штарк, был уже там и любовался рассветом. Этот Штарк был чудак. Он писал картины масляными красками и капитанский салон на «Богатыре» превратил в мастерскую художника. На свои картины он перевел столько холста, что хватило бы на оснастку хорошего корабля.

Длинный, тощий как жердь, в фуражке с позеленевшим «крабом», он стоял, широко расставив ноги, и смотрел, как расходится туман. Освещенные солнцем, яркие как огонь клочья отрывались от воды и таяли в воздухе.

«Эрико», чуть накренившись, огромной серой тушей вылезал из тумана. В гиляцкой деревушке, на берегу, дымили костры и выли собаки. Дальше синей зубчатой стеной поднимались сахалинские сопки.

— А красиво, понимаете, — сказал Штарк и поднял бинокль.

По тому, как он ощупывал «Эрико», видно было, что теперь уже смотрит моряк, а не художник. Бинокль скользнул по грузовой линии, задержался на секунду у якорных канатов, обшарил палубу и поднялся на мачту и на трубу.

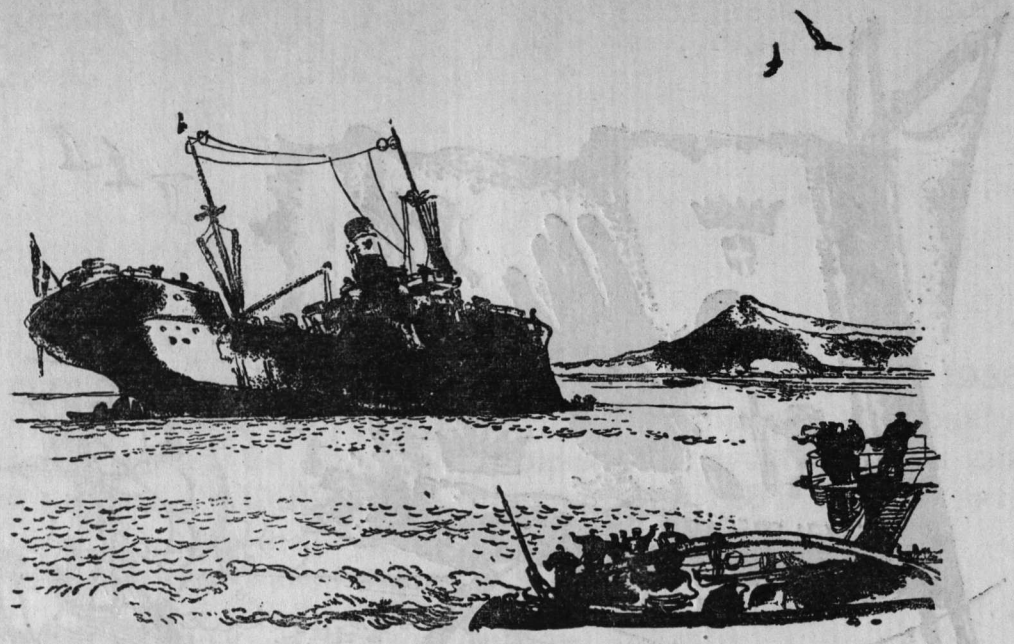
— Ишь, руку-то растопырил как полисмен, понимаете, — улыбнулся Штарк и протянул мне бинокль.

Я оглядел пароход и только тут понял, о какой руке он говорит. На трубе была нарисована ладонь, а под ней — три огромные красные кляксы.

— Это марка компании «Олсен». У них все пароходы так разукрашены... Ну, вот что, понимаете, забирайте-ка людей да заводите буксир. А водолазы пусть кладут пластырь. Довольно загорать. Дернем его за ноздрю да поведем...

Мне пришлось поработать в тот день! Пароход в восемь тысяч тонн — это не рыбацкая шампунька. Надо подумать, как взять его на буксир, а тут еще пришлось помогать водолазам. Они то и дело поднимались из воды, фыркали как моржи и просили доски, цемент и болты.

Мы весь день провозились на «Эрико», и весь день нам в глаза лезли эти красные руки. Они были всюду: на белых шлюпках, на ведрах, на спасательных кру-



„Эрико“ стоял чуть накренившись.

гах. Точно кто-то захватал окровавленной ладонью все, что было на палубе «Эрико».

— Придет же в башку такая фантазия! — удивлялись наши матросы. — Здесь поплаваешь, наглядишься — и сам бандитом станешь.

Впрочем, матросы на «Эрико» вовсе не были похожи на бандитов. Добродушные и веселые ребята, все в одинаковых синих свитерах, они помогали нам крепить буксир, угощали нас сигаретами и с удовольствием курили нашу махорку. К вечеру водолазы наложили пластырь. Они с двух сторон обшили пробоины толстыми досками, налили между ними цементный раствор, а мы обнесли вокруг борта «Эрико» двойную петлю каната, передали буксир и дернули.

На «Богатыре» стояла машина в пять тысяч сил. Канат разрезал воду, задрожал и захрустел. Петля обтянулась, сдирая с бортов краску. Из-под кормы ледокола поднялась желтая пена. С «Богатыря» и с «Эрико» все смотрели на канат и гадали: выдержит или лопнет? Вдруг «Эрико» крякнул и сошел с мели. Водолазы еще раз осмотрели пластырь, и поздно вечером, попрощавшись с норвежцами, мы вернулись на ледокол. Туда же перебрался и капитан с «Эрико». Он, должно быть, считал неприличным командовать пароходом, который идет на буксире.

★

«Богатырь» пошел во Владивосток.

Ночью я вышел на палубу и встретил Штарка. По ночам он часто выходил покурить.

— А пассажир-то наш — миллионер, сам хозяин компании «Олсен», — сказал Штарк. — Я бы на его месте и плавать не стал, а ему вот не сидится, понимаете. У нас, говорит, все в роду — моряки, и мне надо плавать. А какой там надо, просто играет. Я у него и про руку спросил, так он мне целую легенду сплел. Интересно, понимаете. Был у них предок Эрик Олсен, пират. Грабил купцов, людей вешал, товары раздавал дружине, а золото складывал у себя в трюме. Столько накопил, что и баласта не надо. Все дороги загородил: ни пройти, ни проехать. А английскому королю это острый нож: всю коммерцию ему старик испортил. Вот он, понимаете, и послал против Олсена свой флот. Тут старику и досталось: все его корабли потопили и дружину перевешали на реях. Только он один и ушел, понимаете, на своем корабле, да и то весь израненный. Пришел домой и чувствует, что отплавал, пора помирать, а там у него было два сына — близнецы. Он их позвал, понимаете, к себе на корабль и распорядился: «Двоим на корабле командовать не годится, садитесь на шлюпки, а как я спущу флаг, так гребите ко мне, кто первый положит руку на палубу, тот и будет хозяином». Ну братцы приналегли на весла, и один обогнал другого на полшлюпки. Еще бы чуть, понимаете, и быть бы ему хозяином, да малость перестарался: сломал весло. А другой тут как тут и уже лезет на борт. Ну а этому стало обидно, понимаете, так он вынул меч, отхватил себе руку и швырнул на палубу. И пришлось старику отдать ему корабль. Ничего не поделаешь: первым руку положил. Вот видите, какая история. А этот, который у нас, понимаете, оказывается, — прямой потомок того, безрукого, и тоже такой, что где надо руки не пожалеет. Интересный мужик... Ну, спокойной ночи, понимаете, пойду посплю до утра...

Я обошел ледокол и постоял на корме. С буксирной лебедки тянулся стальной канат. Он был толщиной с бутылку, но дрожал как леска, на которой бьется пескарь. «Эрико» не было видно, только ходовые огни — зеленый и красный — из темноты глядели нам вслед.

К утру мы заметно продвинулись к югу, но в Куросиво еще не вошли. Было прохладно. Сопки надели белые шапки, и с моря казалось, что весь Сахалин ежится от холода. Небо обложило серыми тучами, но воздух был прозрачен. В бинокль были видны даже деревья на берегу.

Оба капитана прогуливались по палубе. Штарк показывал норвежцу Сахалин, море и чаек с таким видом, будто все это принадлежало ему, Штарку.

Норвежец был ниже и шире Штарка. Фуражка и теплая куртка сидели на нем плотно и складно. На

груди у него болтался отличный бинокль. Он то и дело подносил его к глазам.

Они говорили по-английски. Норвежец цедил слова, не выпуская изо рта толстой сигары, а Штарк широко открывал рот, махал руками и после каждого слова прибавлял по-русски «понимаете». Он на всех языках говорил одинаково нескладно и непонятно.

Они до обеда простояли на мостике, а потом заперлись в салоне.

Вечером Штарк вызвал меня к себе.

Норвежец, сидя в кресле, в углу салона, читал старый английский журнал. В другом углу стоял мольберт с начатым портретом.

Штарк смешивал краски на палитре. На нем поверх форменной тужурки был синий перепачканный красками халат. Штарк писал быстро, и на портрете уже можно было узнать норвежца.

Когда я вошел, он положил палитру и познакомил меня с норвежцем.

— Это боцман, понимаете, а это капитан Кнут Олсен. Вот что, понимаете: нас тайфун догоняет, — сказал он и, повернувшись к Олсену, повторил:

— Тайфун, сторм, винд, понимаете, — и дунул, — фу-фу.

Потом, должно быть для убедительности, взял со стола радиосводку погоды и два раза ткнул в нее карандашом.

— Так вы того, понимаете, приготовьте бросательные концы, пробки, шлюпки. А команда пусть спит, пусть «в козла» не играет, понимаете, и сами отдохните. Ну все, — и положил сводку на стол.

Я ушел, отдал распоряжение и обошел ледокол. Все было в порядке, все на месте.

Небо очистилось. На розовом фоне заката сопки казались черными и плоскими как на дешовом японском веере. Чайки и буревестники носились вокруг ледокола. Ветра не было, кормовой флаг обвис. Я спустил его, снес в штурманскую и зажег ходовые огни. Стало заметно теплее. Мы вошли в Куро-сиво.

В каюте было душно. Я открыл иллюминатор и не раздеваясь лег на койку. Вода чуть слышно плескалась за бортом. Когда на мостике пробило десять, я погасил свет и задремал.

★

Меня разбудила качка. Где-то хлопала дверь. В открытый иллюминатор залетали брызги. Непромокаемая куртка качалась на вешалке. Я надел ее, завинтил иллюминтор и вышел на палубу.

Дул свежий теплый ветер. Звезды над головой качались как на качелях. Все море светилось голубым сиянием. Волны лениво взбирались на низкую палубу и с шумом скатывались в море синими огненными водопадами.

Куро-сиво полно разных светящихся тварей.

Олсен и Штарк оба были на мостике. Олсен в черном резиновом плаще, в сапогах и в кожаном шлеме казался настоящим викингом. Вместо сигары он сосал короткую трубку. А Штарк в длинном рыжем роконе[1] и в зюйдвестке, подвязанной белыми тесемками, выглядел тощей старухой. Он увидел меня и сказал:

— Ну, началось. Я говорил, понимаете, через час разойдется вовсю. Вы смотрите, понимаете, чтобы никто не сыпрал там за борт.

[1] Рокон — непромокаемое пальто.

Через час, действительно, разошлось. Ветер ревел так, что не стоило разговаривать. Палуба пропала под волнами. Казалось, что только надстройка уцелела от всего ледокола. «Богатырь» взбирался на волну, падал вниз, кланялся направо и налево. Я никогда не видел такого крена. Мне казалось, что мачты ложатся горизонтально.

«Эрико» рвался за кормой. Его огни то появлялись, то пропадали. Потом на мачте замелькала сигнальная лампа. Радист разобрал: «Вода прибывает».

В этом не было ничего удивительного: еще бы вода не прибывала в такую погоду в распоротых, наспех залатанных трюмах.

«Эрико» приходилось плохо. Разобьет пластырь — и тогда погибли пароход и 40 человек команды. В такую погоду не спасают ни шлюпки, ни пробковые жилеты. Хорошо еще, если мы сами успеем выскочить из этой бани...

«Богатырь» стонал и кряхтел. Канат рвался за кормой. Лебедка скрипела.

Казалось, вот-вот спрячутся огни «Эрико» и не появятся больше. А тогда поспевай на лебедку. Прозеваешь, не отдашь вовремя, или заест буксир — и прощай! «Эрико» в пять раз больше «Богатыря»: как клюнет, так и нырнем за ним как поплавок за ершом.

Но огни «Эрико» снова поднимались над волнами, и все понимали: это еще не конец. Еще час, два, может быть, пять часов «Эрико» не утонет.

А кто знает, сколько продержится шторм? В Охотском море тайфуны дуют по десять суток подряд, а пока что барометр упорно показывает бурю.

Но ветер вдруг сразу упал. Стало душно и тихо как в погребе. Волны бесшумно вздувались и пропадали. Олсен выбил и снова набил трубку. Я чиркнул спичку, и она не погасла. Олсен, Штарк и я — все трое закурили от нее. Я бросил ее, когда огонь добрался до пальца.

Штарк тревожно поглядел по сторонам. Он снял зюйдвестку и прислушался.

Он заговорил первым. Странно было слышать его голос. За все это время мы не сказали ни слова.

— Повезло, понимаете, в самую середку заплыли. Давайте, боцман, людей на правый борт, пойдем снимать команду с «Эрико». А буксир отдавайте к чертям. Пароход все равно пропал, а так, чего доброго, конец на винт намотаем.

Потом, повернувшись к Олсену, Штарк почти то же сказал по-английски. Олсен слушал молча, и я ждал, что он ответит:

— Нет, нет, — сказал он, наконец. — Простите, капитан Штарк, но если бы я вел вас на буксире, я не бросил бы ваш пароход посреди моря. Впрочем, это мое частное мнение, хозяин здесь — вы.

— Что вы, капитан Олсен, — понимаете, сейчас центр тайфуна пройдет, начнется самая сóдовая. Все равно придется бросать, а так хоть людей вытащим.

— Мои люди привыкли рисковать. Ни матросы, ни офицеры не уйдут с корабля. На «Эрико» все настоящие моряки.

Штарк хотел что-то ответить, он открыл было рот, потом вдруг плюнул и крикнул:

— Отставить, боцман! Пойдем так, понимаете, — и надел зюйдвестку.

★

С моря катился нарастающий шум. Потом потянул ветерок. Потом твердые как дробь брызги забарабанили по стенкам надстройки. Море опять зашумело.

У левого борта встала водяная стена и обрушилась на нас сверху.

На этот раз «Богатырь» окунулся вместе с надстройкой. Мы едва удержались за поручни. Когда вода схлынула, оказалось, что не хватает двух шлюпок. Одна из них еще болталась на канате. Следующая волна оторвала и унесла ее.

Стало вдруг очень холодно, и море сразу погасло. Ледокол обступила ночь, черная как тушь, и ветер, упругий как резина.

Огни «Эрико» то появлялись, то пропадали. Штарк ушел в рубку. Олсен, облокотившись на поручни, смотрел в темноту. Это был настоящий моряк, викинг.

Я не мог решить, кто был прав: Штарк или Олсен.

Впрочем, теперь было все равно. Осталось одно—ждать и пробиваться сквозь бурю. И никто не мог сказать, выиграем мы или проиграем.

Опять тревожно замелькал огонек на мачте у «Эрико». Штарк высунулся и поманил меня. В рубке было тихо и жарко. Радист работал ключом. Голубая контрольная лампочка вспыхивала на столе.

— Дело дрянь, понимаете,—сказал Штарк,— донки[1] у них не справляются. За полчаса в трюмах прибыло на два фута. Скоро нырнут, понимаете... Ну что там? — обернулся он к радисту.

— Сидит глубже марки, — ответил радист. — Часа полтора, больше не продержится.

— И чего я, дурак, послушался, понимаете. Ему парохода жалко, а на людей наплевать, — сказал Штарк. — Выходит, он крепче деда, понимаете: тот руку отрубил, а этот сам утопится за копейку и людей перетопит... Так вот что, боцман, подойти к ним нельзя, все равно разобьет... А если что, людей попробуем снять. Как-нибудь вытащим. А вы встаньте на лебедку и смотрите не проморгайте, а то и нас утянет, понимаете.

Он вышел на мостик. Ветер с силой захлопнул за ним дверь.

— Ну, попали в кашу,— сказал радист.—Жалко ребят. Немногие выскочат.

Я собрался идти на корму к лебедке.

Когда я выходил, оба капитана под руку вошли в рубку. Спускаясь по трапу, я схватился за холодные поручни и вспомнил о рукавицах. Я оставил их на столе у радиста и вернулся за ними в рубку.

Штарк стоял посреди рубки, широко расставив ноги и балансируя руками. Когда я вошел, он обернулся и сердито посмотрел на меня.

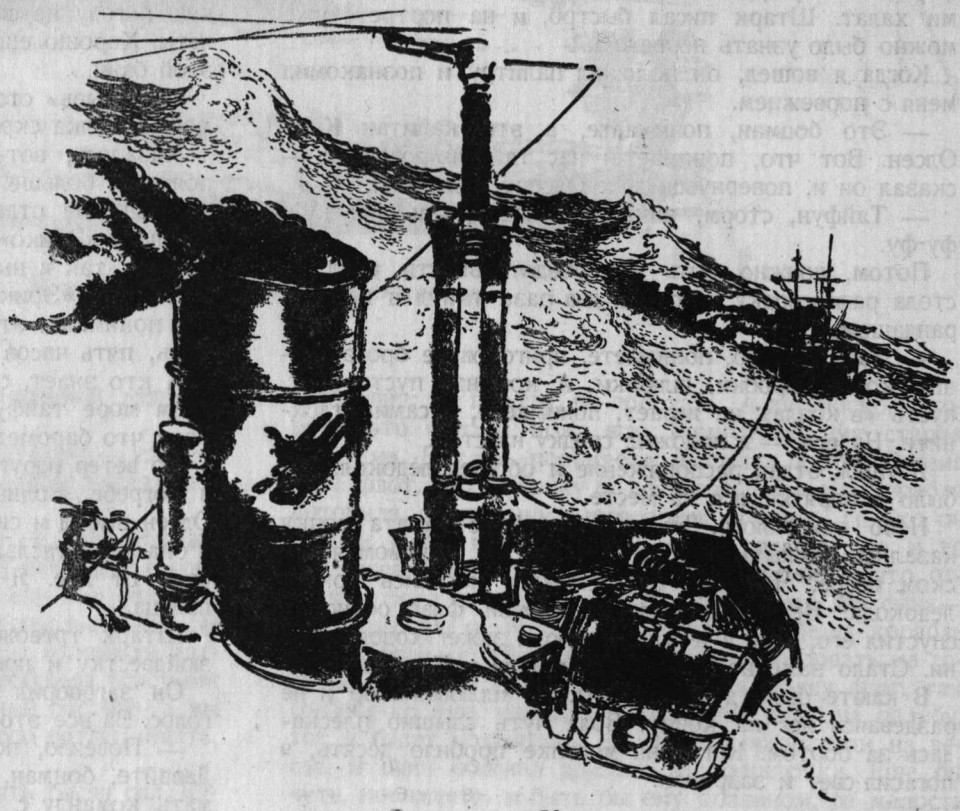
— Боцман, пошлите сюда двух матросов, надо проводить вниз этого господина, — сказал он, кивнув в сторону Олсена.

— Укачался наш моряк, понимаете, сдрейфил. Давайте, говорит, отдадим буксир. А что там люди, — это ему наплевать, своя шкура дороже. Вот он какой, потомственный викинг! Только и хватило до первого случая, понимаете... Ну, идите, боцман, к лебедке, не надо матросов. А вы, капитан Олсен, останетесь здесь,— закончил он по-английски. — Вам нечего делать на мостике. Как-нибудь, понимаете, обойдемся без ваших советов.

Олсен сердито посмотрел на Штарка, ничего не ответил и сел в кресло.

Я обвязался концом и прихватил себя к лебедке, чтобы не смыло.

Волны свирепо налетали со всех сторон. Лебедка дрожала, буксир ходил и рвался за кормой. Холодная соленая вода то и дело накрывала меня с головой, и тогда казалось, что все уже кончено. А когда корма «Богатыря» вздымалась и канат уходил отвесно вниз, казалось, что самое страшное только начинается. Но канат выпрямлялся — и опять за кормой появлялись разноцветные огни «Эрико».



„Богатырь" стонал и кряхтел. Канат рвался за кормой.

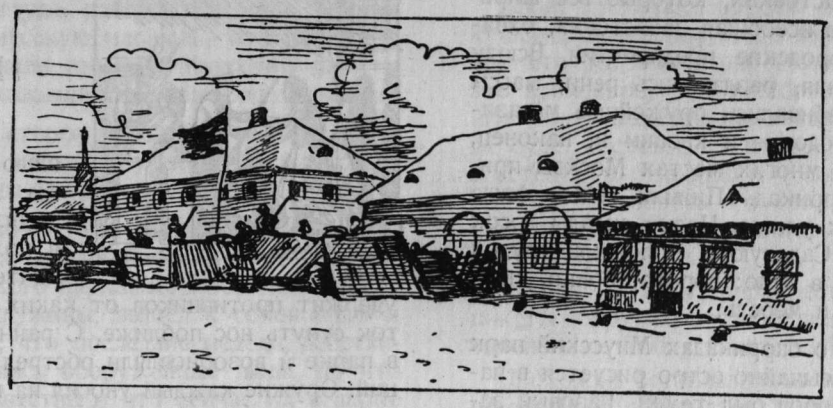
Я долго стоял на лебедке. Ноги устали приноравливаться к качке; руки закоченели, и надоело думать о шторме. Хотелось посидеть в теплой комнате, попить чаю с малиновым вареньем. Хотелось спать. Я очнулся от окрика Штарка:

— На лебедке! Отставить, понимаете! Пронесло! Маяк открылся!

Полчаса спустя мы вошли в тихую бухту Ольги. К утру наши помпы выкачали воду из трюмов «Эрико». Я вышел на палубу. Утро было холодное и спокойное. Штарк стоял у двери салона и тонким ножичком скоблил натянутый на раму холст. Свежая краска сходила легко. Штарк стряхивал ее за борт и глупые чайки хватали цветные полоски и дрались из-за них. Я поздоровался и присмотрелся. Штарк соскабливал портрет Олсена.

— С добрым утром, как спали, понимаете? — сказал Штарк. — Я вот делом занялся, не пропадать же холсту, понимаете. А гостя дорогого я назад, на «Эрико» списал. Не люблю миллионеров, понимаете...

[1] Донки — помпы.



Дружинники на баррикадах

Каждую годовщину Октябрьской революции в Москве, на Красной площади, сразу после того, как пройдут красноармейцы, курсанты военных школ и слушатели Военной академии, появляется совсем особенная колонна вооруженных людей в кожаных куртках, с винтовками за плечами. Это люди, которые с оружием в руках сражались за победу пролетарской революции в рабочих дружинах, в красногвардейских и партизанских отрядах.

В этих рядах идут люди, которые 30 лет назад, в декабре 1905 года, в Москве, на баррикадах Пресни, дрались против царских войск и полиции.

30 лет назад они потерпели поражение. Царские войска под командой полковника Римана залили Пресню кровью рабочих. Сейчас в память тех дней она называется Красной Пресней.

Мы склоняем знамена в память павших на баррикадах Пресни пролетарских бойцов. Они дрались и погибли за победу рабочего класса, за ту жизнь, которую мы видим сейчас вокруг себя.

Они пали, но на их место под знамя большевистской партии встали тысячи, миллионы людей, и партия под руководством Ленина и Сталина привела их к победе.

Когда по Красной площади идут седобородые старики-дружинники с руководителем пресненских рабочих тов. Литвиным-Седым, перед мавзолеем проходит живая история рабочего класса. Сталин, подняв руку, приветствует их. Вместе со Сталиным приветствует их вся страна.

Отдадим и мы им свой пионерский салют.

БОЕВЫЕ ДРУЖИНЫ

В начале 1905 года, после уличных стычек с казаками и полицией, ясно стало, что против винтовок нужна винтовка, нужна хорошо обученная боевая дружина, и с этой минуты я все внимание перенес на организацию такой дружины в Миусском парке.

Добыв 40 винтовок (винчестер), коротких, которые можно было носить под пальто, мы брали трамвайный вагон, ставили на нем вывеску «служебный», садились в него все 48 человек и через несколько минут были уже у Сокольничьего круга. Вагон ставился на запасный путь, а сами мы направлялись на наше стрельбище гуськом, ступая, как волки, в след друг другу, чтобы на снегу оставался след только одиночный, а не от толпы людей. Придя на место, мы так же, не топча снега, развертывались в шеренгу против поленницы дров. Стреляли поочереди, всякий со своего места, все в одну точку поленницы, начиная с очень близкого расстояния и постепенно увеличивая и увеличивая его изо дня в день. По окончании стрельбы мы замазывали грязью и снегом дырки от пуль в поленнице и по старому следу гуськом возвращались к вагону, который увозил нас обратно.

Дружинники били очень метко, без промаха, и уверенность в их меткости была настолько велика, что руководящий стрельбой стоял в нескольких шагах от цели и концом палки указывал ту точку, куда попадала последняя пуля.

Революция между тем развертывалась. Из разных городов поступали известия об отдельных вооружен-

ных выступлениях и забастовках, которые все ширились. В Москве вспыхнула всеобщая забастовка, охватившая все заводы и городские предприятия. Всюду шли многолюдные собрания, раздавались речи, массы спешно вооружались, разбивались оружейные магазины, обезоруживались городовые и казаки и, наконец, пришло известие, что во многих местах Москвы приступили к постройке баррикад. Пилили телеграфные столбы и валили поперек улицы. Целые склады досок и бревен натаскали на Садовую и положили грудой поперек улицы. Все шло в дело: ворота, бочки, снег, телеги, домашняя утварь и мебель.

При первых известиях о баррикадах Миусский парк начал строить свои. Чрезвычайно остро рисуется в памяти эта первая ночь. Город был темен. Газовый завод бастовал. Трамвайная станция тоже, и трамвайный ток был выключен. После совещания в моей квартире наша боевая дружина пришла баррикадироваться в Миусский парк. Мы начали с того, что завладели подстанцией и ее аккумуляторами, испортили телефоны, но так, что в случае надобности мы сами могли мгновенно оживить их. Всюду расставили часовых и главным образом у распределительного щита подстанции.

Включили аккумуляторный ток—парк вспыхнул, осветив тьму ночи своими фонарями. Началась работа. Трамвайные вагоны от входа в парк мы отвели на запасные пути, а вагоны, оставшиеся от конной тяги, покатили вручную вверх и вниз по Лесной улице, чтобы свернуть их с рельсов и перегородить улицу. Едва мы успели сделать это, как по нас открыли огонь казаки от Бутырской тюрьмы и полиция из участка близ Тверской. Огонь был настолько беспорядочен, что мы вернулись в парк без потерь и принялись за укрепление самого парка: у ворот парка мы соорудили бастион, выдвинув трамвайный вагон, обложив его внутри стальными и железными листами достаточной толщины. Такие же щиты были поставлены и укреплены на земле вокруг вагона и у ворот.

К утру баррикады в общих чертах были готовы, план действий разработан и дружина отрядами заняла позиции. Отряд А. Ф. Кудинова выдвинулся на баррикады Весковского переулка, чтобы сшибить наблюдателей с пожарной каланчи, что и было быстро достигнуто. Отряды Езопова и Шоричева разместились по чердакам парка и из слуховых окон били по Лесному винному складу, где сосредоточилась полиция. Отряд Щепетильникова занял трамвайный вагон, обложенный стальными листами.

Бутырские казаки, увидев, что мы от вагонов, опрокинутых на Лесной улице, вернулись в парк, решили, что мы отступили, набрались духу и, заняв эти вагоны, открыли по нас стрельбу, причем нахальство их было так велико, что они стали перед вагонами с нашей стороны и огонь открыли после звука рожка. Первый же наш ответный залп уложил 12 человек; они удрали и своей наглости уже не повторяли, ограничиваясь стрельбой из-за прикрытий.

По баррикаде Кудинова били с пожарной каланчи на Селезневской улице, но, взяв правильный прицел на дальность расстояния, дружинники быстро отвадили их от этого занятия, и в дальнейшем каланча пустовала.

Полицейский участок тоже скоро прекратил огонь, и полиция из него перебралась в винный склад, который с его стенами представлял естественную крепость, и две недели шел бой между нами и двумя пунктами: Бутырской тюрьмой и винным складом.

ВСЮДУ БАРРИКАДЫ

очью огонь утихал и тогда мы посмеиваясь расходились по домам спать в полной уверенности, что почтение к нашему оружию удержит противников от каких бы то ни было попыток сунуть нос поближе. С раннего утра мы были уже в парке и возобновляли обстрел неприятельских позиций. Оружие каждый уносил на ночь с собой, и наутро мы в полном составе оказывались на своих постах.

Вечером мы отправлялись на разведку в разные стороны небольшими отрядами. Город представлял любопытное зрелище — всюду баррикады. Так, солидная баррикада преграждала Малую Бронную от Тверского бульвара. Там стоял польский отряд дружинников и отстреливался от казаков, расположившихся у Никитских ворот, вблизи полицейской части на Малой Никитской.

Мы знали, что на Пресне забаррикадировалась сильная дружина рабочих фабрики Шмидта и Прохоровской фабрики, но там быть нам не пришлось.

Вся Садовая, от Кудринской площади до Сухаревской башни, представляла чуть ли не сплошную баррикаду, но эти баррикады пустовали, так как и противника не было. Лишь в голове этого бесконечного ряда баррикад, с переходами и проходами, сторожил отряд дружинников, обстреливая Кудринскую площадь.

СЕМЕНОВЦЫ

начале восстания была уверенность, что в Петербурге все готово.

Но затем начали доходить другие слухи, что на Петербург надежды нет, что Москва осталась изолированной и что дальше вооруженное восстание не распространится.

Эти слухи производили удручающее впечатление на дружинников, и приходилось их ободрять, чтобы вести борьбу дальше, и мы продолжали отстреливаться со своего вооруженного островка изо дня в день.

Возможности перейти в наступление у нас не было.

Полицейские части представляли собой такие же небольшие крепости, как наш Миусский парк, и ни мы на них, ни они на нас не имели возможности идти.

Затянувшийся узел был разрублен приездом в Москву Семеновского полка с артиллерией под командой Римана и Мина. Отряд с Николаевского вокзала пробил дорогу к центру города, а оттуда по линии Никитской начал артиллерией громить баррикады Бронной, Садовой и, наконец, наши.

Баррикады Садовой сначала громила артиллерия, а затем они сжигались, так как были сделаны преимущественно из досок. Так семеновцы дошли до пересечения Садовой и Тверской. Там они разгромили баррикады Оружейного переулка, добрались до участка

в этом переулке, а оттуда, разломав заборы, ранним утром проникли на Миусскую площадь, установили на ней артиллерию и начали громить Миусский парк и окружающие здания, казавшиеся им подозрительными.

Когда мы с разных сторон подошли утром к Миусскому парку, то всюду вокруг Миусской площади стояли вооруженные отряды семеновцев.

Впоследствии мы узнали, что смотритель Миусского парка после первых орудийных выстрелов, разбивших то здание Миусского парка, которое нам служило местом обучения дружины, вышел к семеновцам и заявил, что парк пуст, что последние недели, действительно, в нем собирались вооруженные люди, но что эти люди никому неизвестны и что сейчас их в парке нет. Семеновцы прекратили артиллерийский обстрел парка и заняли его.

РАСПРАВА

Добрая часть дружины обходным путем добралась до моей квартиры, и там мы устроили совет, как быть дальше.

Всюду грохотали орудия. Дальнейшее сопротивление кучки дружинников стало явно бессмысленным, тем более что все мы твердо были уверены, что поражение это временное, что декабрьское вооруженное восстание—лишь маневры революции и что ближайшая работа будет состоять в подготовке следующего очередного восстания в ближайшие годы. И мы решили сложить оружие, но сберечь его, сохранить нашу организацию, подготовляться к следующему восстанию и работать в этом направлении.

Всюду, на всех перекрестках, были расставлены пикеты вооруженных винтовками городовых, казаков и семеновцев. Всюду зашныряли сыщики.

Прохожих останавливали возгласами «Руки вверх!», обыскивали, ощупывали, затем ругались, били и набрасывались на следующего. При малейшем подозрении хватали, тащили к Москве-реке и там расстреливали, а иногда приканчивали тут же, на месте.

Подавив московское вооруженное восстание, семеновцы двинулись в карательную экспедицию по Казанской железной дороге, а затем другие карательные отряды поползли на юг, на восток, на запад и на север, неистовствуя, с безудержной, бессмысленной, дикой жестокостью разбивая головы детей об углы печек, пристреливая стариков, измываясь над первым встречным и тем углубляя злобу, бешенство против царизма, служа наилучшей пропагандой против его бесстыдства и озверелости.

Ореховские чапаевцы

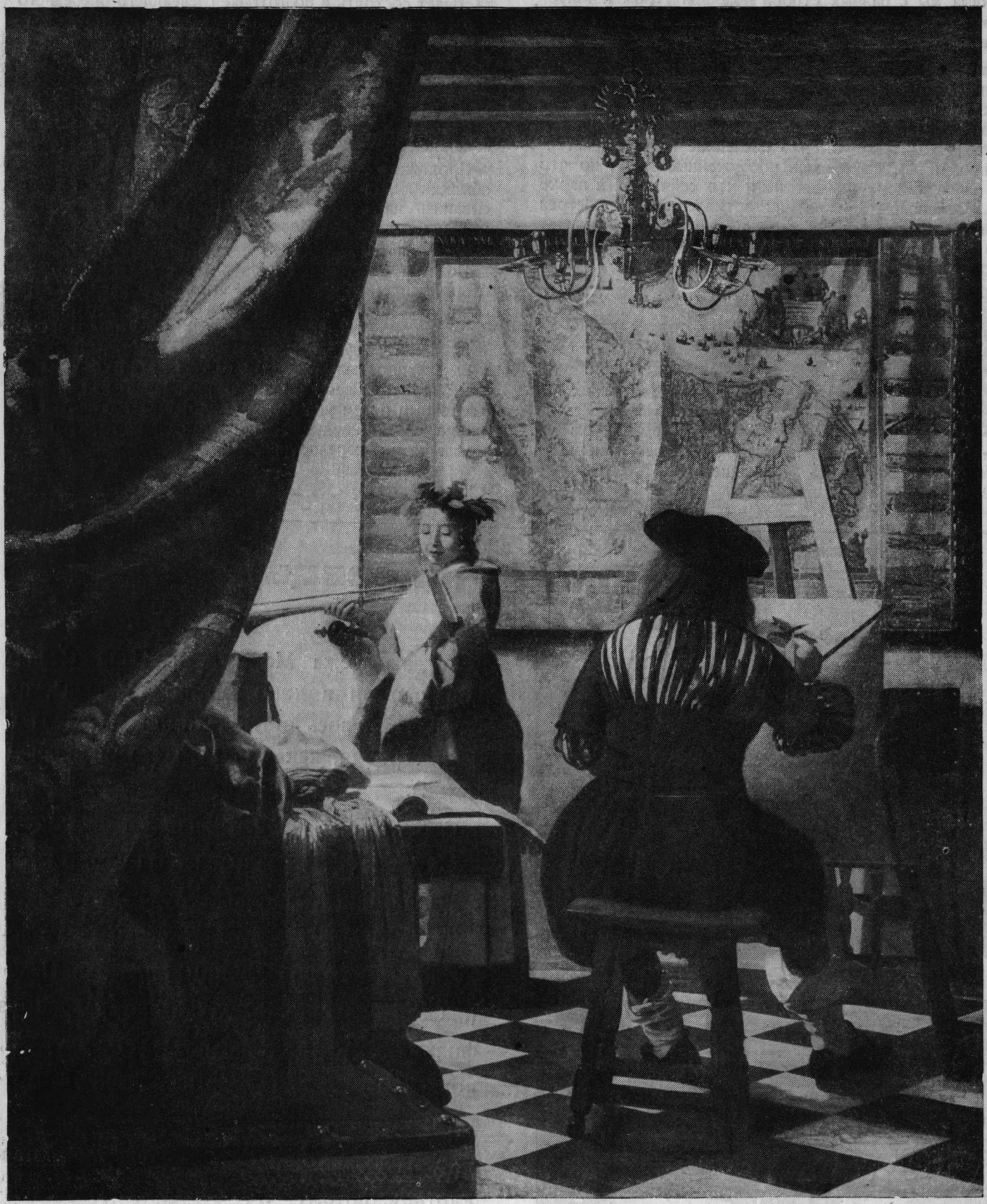
Когда Сережа Морозов и Паня Степанов увидели в кино картину „Чапаев“, им очень захотелось стать такими же бесстрашными героями, как Чапаев и его ординарец Петька.

Сережа сделал себе черную высокую шапку, как у Чапаева, нарисовал усы. Вместе с Паней они смастерили пулемет.

Однажды ребята детского уголка ореховозуевской казармы № 140 попросили Паню и Сережу показать несколько кадров из фильма „Чапаев“. Они показали ту сцену, когда Чапаев и Петька на тачанке с пулеметом гонят белых.

Это получилось очень похоже на кинокартину, потому что Сережа и Паня тщательно изучили не только костюмы, но и каждый жест своих любимых героев.

„Художник в мастерской“



Картина художника Вермеера Дельфтского.

ГОЛЛАНДСКИЕ МАСТЕРА

В. Поддубная

Две тысячи лет назад, когда германские племена пришли в Нидерланды, это был дикий и пустынный край. Дремучие леса тянулись по берегам рек и озер. Всю эту равнину можно было перейти, перелезая с дерева на дерево, не касаясь земли. Где не было леса, там была вода: болота, озера, топи, речушки—вся почва пропитана водой. Густой туман синим пологом висел и днем и ночью над землей. А тут еще море наступает на сушу! Осенние бури затопляли мутными волнами и без того заболоченный, насквозь сырой и мокрый клочок рам да болотным птиземли.

Казалось, в этой стране жить бы только бобцам, а не людям. Но люди упорно и настойчиво в течение нескольких сот лет боролись с природой. И их упорство сделало чудеса.

Картина художника Яна Стеена „Праздник в семье".

Море наступало на сушу. Каждые семь лет в стране случалось одно большое наводнение. В 1230 году во время такого наводнения утонуло 100 тысяч человек. Люди отгородились от моря дамбами и плотинами. Они вбивали в топкий берег не тысячи, не миллионы, а миллиарды свай—толстых дубовых бревен, каждое метров в десять длиной. Гаарлемский берег защитился крепкой стеной из норвежского гранита. Эта стена, вышиной с трехэтажный дом, ушла в морскую глубину на 60 метров. Обуздав ярость моря, нидерландцы воспользовались им, чтобы завязать торговлю со всем миром.

Но на этом не кончалась борьба с водой: у нее надо было с упорством отвоевывать каждый клочок земли. На топкой, болотистой почве нельзя было строить дома. Приходилось и тут сначала укреплять почву, вбивая глубоко в землю сваи, и только тогда строить. Амстердам, город с населением в четверть миллиона, весь построен на таких сваях.

В этой стране воздух всегда пропитан испарениями. Каждое пятно здесь легко превращается в плесень. И голландцы настойчиво боролись с сыростью, тщательно перетирая и вычищая каждую вещь. Пятьсот лет назад, когда и Лондон, и Париж, и Москва были грязнейшими городами, эта страна сырости поражала чистотой. Уже тогда красивые домики с красными, темными и розовыми стенами были покрыты глянцевой, не пропускающей сырость штукатуркой. Тротуары из кирпича и фаянса чисто вымыты. Деревни как оперные декорации нарядны и вылощены. Пол даже в хлеву блестит как начищенный паркет. В хлеву сытые, чистые коровы, их хвосты подвязаны кверху веревочками, чтобы они их не пачкали.

Упорным трудом побеждали нидерландцы стихию.

Ветер, непрерывно дующий в этой суровой стране, вертел крылья многочисленных мельниц.

Бесчисленные озера были высушены, речные воды сдержаны шлюзами. Прорезаны были каналы для стока подпочвенной воды. Эти каналы до сих пор служат водными дорогами. Зимой Голландия превращается в сплошной каток, и голландцы по своим дорогам — каналам — делают на коньках по 20 миль в час!

Осушенные болота дали тучную, плодородную землю — великолепные огороды и луга. Земля стала давать богатейшие урожаи, и уже к XVI веку Нидерланды становятся страной изобилия и обжорства.

Нидерланды никогда не были самостоятельным государством. Еще в 843 году они были разделены между Францией, Германией и Лотарингией. Позднее, в XV веке, Нидерланды по наследству достались испанскому королю. Больше ста лет владели испанцы Нидерландами. Когда страна стала богатой, иноземные хозяева обложили все население большими налогами. В это время Испания вела войну с Францией, и расходы на эту войну опустошили испанскую казну. Пополнить ее Испания хотела за счет богатств нидерландских купцов, горожан и фермеров. Это послужило сигналом к выступлению против испанского владычества. И в шестидесятых годах XVI века началась упорная и трудная борьба за независимость.

Южные провинции Нидерландов легко подчинились испанскому игу и остались испанской колонией.

Голландия же, или Северные Нидерланды, тридцать семь лет билась за свою независимость.

Это была трудная, упорная борьба. Маленький народ героически сражался с великаном, пытавшимся раздавить его. Испанцы брали города измором, подолгу осаждали их. Осажденные горожане: мужчины, женщины, дети—с помощью нескольких сот солдат, засев за полуразрушенными стенами своего города, останавливали целые армии лучших войск Европы. Некоторые города держались так четыре—пять месяцев. Несчастные жители, осажденные со всех сторон, пита-

лись крысами, древесной листвой, вареной кожей. Когда они видели, что не могут устоять, то, построившись колоннами, с больными и детьми посредине, выходили из-за городских стен, предпочитая умереть в окопах неприятеля, чем сдаться на его милость.

Война шла на суше и на море. Голландские моряки взрывали свои корабли, чтобы не отдать их неприятелю, и, не спуская флага, шли на дно.

Наконец, в 1609 году, после 37 лет борьбы, голландцы прогнали испанские войска. Испания вынуждена была признать независимость Голландского государства. Став свободной, Голландия становится самой цветущей и самой богатой страной в Европе.

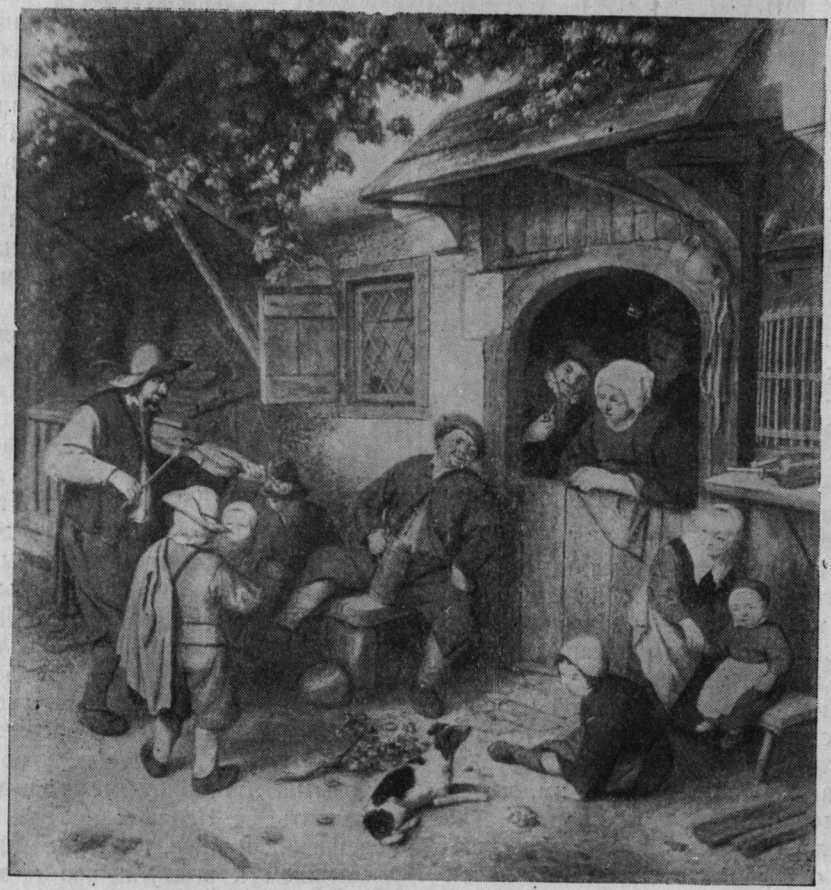
Города, разрушенные войной, оживают. В начале войны за независимость Амстердам имел 70 тысяч жителей, теперь население его возросло до 300 тысяч. Город — сплошная ярмарка. Весь день горожане толпятся на улицах, в лавках, в кабачках.

Открыты морские пути в Индию, Японию, Китай— и Голландия становится торговым центром, складом товаров Севера и Юга. Прошел только год с тех пор, как окончилась война, и тысяча голландских кораблей пошла за сырьем в Балтийское море, восемьсот отправились ловить сельдь. Сотни кораблей привезли товары с Востока. Да и в самой Голландии, как нигде, цветет промышленность. Голландцы производят полотна, зеркала, фарфор, глиняную посуду, атласные, шолковые и парчевые ткани, железные изделия, корабельные снасти. Половину предметов роскоши для всей Европы доставляет Голландия.

Богатеют купцы, богатеет, обрастает жиром страна. Разбогатевший торговец кичится своим богатством, он хочет, чтобы все видели его довольство и силу. Один голландский торговец, желая блеснуть богатством на ярмарке в Париже, скупил все выставленные там с'естные припасы.

В богатой стране и общественные учреждения и дома частных лиц стали более пышными по убранству. Для их украшения потребовались художники. Какой-нибудь булочник платит шестьсот флоринов за одну фигуру, принадлежащую кисти Вермеера из Дельфта.

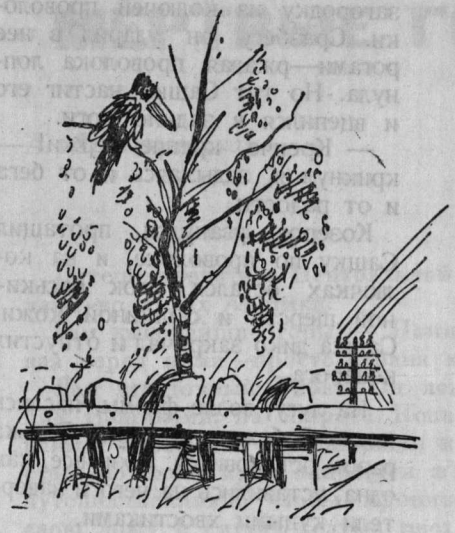
Еще в XV и начале XVI века голландские художники изображали главным образом религиозные сцены. Искусство служило церкви: художники украшали церковные здания, дворцы вельмож и королей. Сытые, оборотистые и сметливые голландские купцы, не склонные мечтать, захотели в картинах видеть себя, свой дом, свою жизнь. И голландская живопись XVII века—это портрет Голландии того времени. Художник изображал без прикрас, такими, какими он видел, людей, природу, улицы, рынки. Искусство с любовью отображало все, чего достигла и добилась Голландия. Художники рисовали тучные пастбища с жирными коровами и крепкими лошадьми, спокойные реки, мельницы. В своих картинах они изображали все богатства, доставляемые в Голландию со всех стран света. Здесь и заморские фрукты южных стран: апельсины, лимоны, ананасы. Здесь редкие звери и птицы: обезьяны, олени, лебеди. Дорогие вина искрятся в красивых венецианских бокалах. В этих картинах выражены сытое довольство и любовь к жизни голландцев того времени. Художника интересовало все: он изображает внутренность чистенького жилища, удобство обстановки фермы или лавочки, сутолоку рынка, шумное веселье в кабачке или на прогулке—все мелочи мирной и благоустроенной жизни.



Картина художника Ван-Остаде „Слепой музыкант".

Дворянская знать с презрением относилась к таким будничным, незатейливым картинам. Французский король Людовик XVI при виде картин голландских художников, выставленных в его дворце, воскликнул: «Уберите от меня этих уродов!»

В этом номере мы помещаем снимки с картин лучших голландских мастеров. На обложке — «Зимние развлечения» художника Брейгеля-Мужицкого. Брейгель — замечательный художник конца XVI века. Мужицким прозвали его за то, что он изображал главным образом жизнь голландских крестьян. Брейгель — большой мастер, и у него учились многие другие художники. На 4-й странице обложки — картина неизвестного художника школы Брейгеля «Зима». В Голландии лед зимой держался недолго. Художников поражала эта короткая зима, замораживавшая сразу всю страну, и они часто изображали ее на своих картинах.



Случай с козерогом

П. Барто

Рисунки А. Каневского

Лет пять назад Московский зоопарк отправлял в Тифлис партию животных. Сопровождать эту партию поручили двум парням из кружка юных биологов: мне и Сашке Куликовскому. Выдали нам деньги, мандат, сопроводиловку. Смотрю: Сашка важный такой стал, говорит басом, нос у него телескопом в небо смотрит. Да и я тоже вроде как вырос. Только думаю: «А вдруг не довезем! Ведь это не шутка: груз-то ведь тысячный! А вдруг сдохнут у нас в дороге».

Погрузили мы клетки с животными в теплушку товарного поезда и тронулись в путь. Тронуться-то—тронулись, да и пошли запинаться на каждом полустанке. Ехали неделю—весь корм скормили, а доехали едва до Козлова (Мичуринск теперь). Вот тут-то и начались наши беды. Жара стояла страшная. Запасешь утром мяса для лис, а к вечеру вонь от него в теплушке; распахнешь дверь, а все дышать нечем.

— Ну и вонища,—ворчал Сашка,—как на свалке. Путешествие тоже! И дернуло нас поехать в этот Тифлис. А знаешь, Мишка, если твоя голова не изобретет сейчас же какого-нибудь самого сверх'естественного способа добывать корм для наших милых спутников, то могу тебя утешить: все они сдохнут. Так вот сиди и думай и обязательно что-нибудь придумай. Стой, можешь не думать! Слышишь: кричит!

Я прислушался... На тощей станционной березке сидел молодой грач и во все горло вопил осипшим голосом.

— Гуси Рим спасли, а грачи спасут наших лис, понял? Бери рогатку и айда!

Стая грачей кружилась над полем. Я спрятался за деревянные щиты, сложенные шалашом, а Сашка, сгорбившись как перебежчик на маневрах, пустился в обход нагонять на меня воронье. Вспугнутая Сашкой стая, сделав полукруг, уселась почти под самым моим носом. Я прицелился, натянул резинку—и вдруг свисток за спиной.

«Уж не наш ли трогается?..» Рука дрогнула—и камень полетел в «белый свет как в копеечку». Стая поднялась и скрылась.

— Эх, ты, Вильгельм Телль!..

Так и вернулись мы ни с чем.

Сашка подошел к голодным лисам и зло так:

— Что, жрать захотели? Так это вы зря! Верно, верно вам говорю. Голод — лучший друг желудка!

Но лисы нетерпеливо тявкали, мотали хвостами, требовали корма.

— Ни бельмеса не понимают,—махнул рукой Сашка,—тем хуже для них. Вот страусы—мудрецы: нет люцерны, рыбы, так они и камнями не гнушаются. И очень даже довольны.

В это время по полотну, о чем-то споря, шли трое ребят лет по двенадцати. Сашка уставился на них, и глаза его вдруг загорелись:

— Чорт возьми! Как это я раньше не догадался? Давно надо было привлечь к этому делу общественность. Эй, ребята, нужна неотложная помощь! Смотрите: зверинец везем. Вот лисы для Тифлиса, это страус — мотай на ус, а это козерог. Все хорошо, только есть им нечего. Вся надежда на вас. Грачей достать можете?

— Грачей? Эка невидаль! Да мы их целый мешок доставим!

Ребята пустились по путям за станцию, в рощу.

Был полдень. Знойный воздух, пропитанный нефтью, душил и обжигал. А в нашей теплушке с железной крышей просто дышать было нечем. Мы разделись и в одних трусиках прошли за полотно железной дороги. Там легли мы на кучу песку.

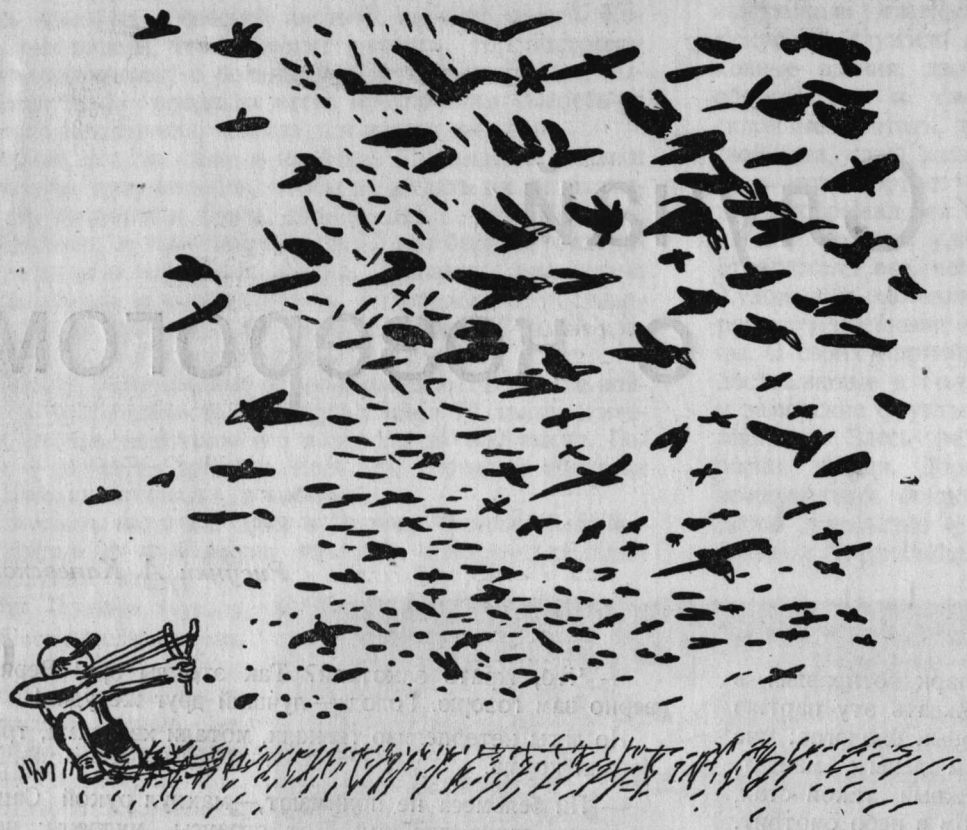
— Фу,—ворчал Сашка,—я чувствую себя не человеком, а какой-то бараниной на сковородке.

Он запустил руку в песок.

— Ого, как там прохладно!

Но вдруг в теплушке что-то хряснуло, затопотало; из раскрытой двери вагона высунулись рыжая борода и громадные загнутые рога козерога Васьки. Васька спрыгнул на полотно, перескочил через рельсы и деловито затрусил в поле. Сашка вскочил и во всю прыть пустился за Васькой, а я за ними.

Весь в песке, грязный и злой, бежал я по полю и не знал, кого мне больше хотелось поймать: козерога или Сашку? Вот оба они скрылись во ржи, как потонули в ней, лишь изредка выныривая: один—исполинскими рогами, другой—взлохмаченной черной головой. Песок на мне высыхал и пренеприятно стягивал кожу. Рожь больно хлестала меня по лицу. Мельтешило перед глазами, и впереди ничего уже не было видно. Совсем не-



Я прицелился, натянул резину—и вдруг свисток за спиной.

ожиданно я чуть не споткнулся о Ваську: он лежал во ржи, бока его тяжело вздымались. Тотчас же с места он сделал прыжок и нырнул в рожь как в воду. Потом я наскочил на Сашку. Он совсем ошалел от погони: лицо потное, тело исцарапанное, увидел меня и бросился дальше. Так с полчаса бестолку метались мы по ржи. Козерог исчез. И где его искать теперь? А тут еще козы на ближней ферме блеют и все дело путают.

— Как поймаю, так и дух из него вон, честное слово!—поклялся Сашка.—Ведь если увидят, как мы топчем колхозное добро... Э-э, да вон он, негодяй! — и Сашка рванулся вперед.

Козерог бежал по невспаханному полю к ферме, окруженной рвом. Выскочили и мы изо ржи. Неподалеку ехала телега. В ней сидели деревенские парни и таращили на нас глаза.

— Давай лошадь!—закричал я, подбегая к ним.

— Чего? Лошадь? С нашим удовольствием; а далече ли ехать?

— Козерог! Скорей! Козерог сбежал!

— Козерог? А ты сам-то откуда сбежал? Ишь, расписной, чисто тигра какая!

Я рванул за вожжи, но парни ударили по лошади и с дребезжаньем скрылись за облаком пыли. Я побежал к ферме. Васька с Сашкой были уже у рва. Козерог перемахнул через ров и на валу наткнулся на загородку из колючей проволоки. Сразбегу он ударил в нее рогами—ржавая проволока лопнула. Но тут Сашка настиг его и вцепился в задние ноги.

— Крепче, крепче держи! — крикнул я, задыхаясь и от бега и от радости.

Козерог рванулся, протащил Сашку по проволоке, и на колючках остался клок васькиной шерсти и сашкиной кожи. Сашка дико закричал и отпустил козерога.

На лугу, возле фермы, паслись козы. Добежав до них, Васька разом остановился. Козы все, как одна, уставились на него и завертели куцыми хвостиками.

Из стада, потряхивая длинной бородой, вышел седой вожак-козел. Перед рыжим Васькой он казался карликом. И вот, как рыцари на турнире, козел и козерог стали в боевую позицию. Чокнули рога, козлы вздыбились. Но тут подскочили мы с Сашкой, вцепились в васькины рога — и поединок кончился. Сбежался народ. У кого-то нашлась веревка; мы повалили козерога и стали вязать его.

Начались расспросы, что да как. Заведующий фермой оказался добрым малым.

Мы попросили его помочь нам доставить козерога на станцию. Он и на это согласился. Только взвалили мы Ваську на телегу—вдруг со станции донесся свисток паровоза, затарахтели колеса, поплыли теплушки, платформы.

— Ушел! Ну теперь все подохнут,—сказал Сашка с таким отчаянием и таким зловещим голосом, что всем стало жутко.

Приехали на станцию. На путях пусто. Смазчик с грязной лейкой уныло шагал по шпалам.

— На Тифлис ушел?—спросил Сашка.

— Сейчас-то? Нет, на Саратов. А тифлисский вон он, на запасном стоит.

Животные наши оказались в целости и даже под охраной сашкиной «общественности».

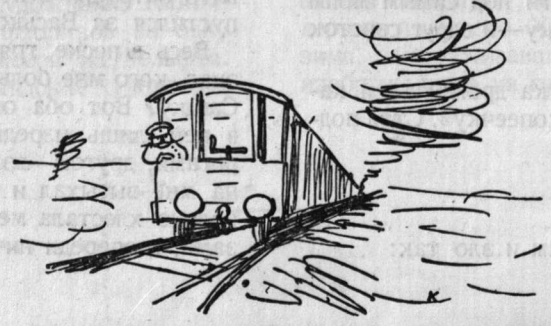
— Ну как дела, ребята?—спросил Сашка.

— Да вот...—начал было один из «общественников», но запнулся и смущенно протянул Сашке жалкого заморыша-грачонка.

— И это все? Ну ладно, и на том спасибо! Дареному грачу в зубы не смотрят!—и небрежно бросил грачонка в теплушку.

На полу теплушки валялась выбитая Васькой стенка клетки.

До Тифлиса добрались мы без особых приключений и благополучно сдали животных в зоопарк.



МЕРТВЫЕ ГОРОДА

А. К. Покровская

Путешествовать в Центральной Азии труднее чем даже во льдах Арктики.

Там высочайшие горы — Памир и Гималаи. Кавказ перед ними—просто страна холмов.

Там загадочный Тибет. Он лежит на юге, почти под тропиками, на широте Испании и Сицилии, а климат в нем как за полярным кругом. Тибет—царство монахов, куда запрещен в'езд европейцам, и путешественники, чтобы проникнуть туда, красят свою кожу в смугло-желтый цвет монгольской расы и переодеваются тибетскими паломниками или погонщиками скота.

Там пустыня Гоби величиной немного меньше европейской части СССР. Франция, Германия, Австрия — все вместе поместятся на ней свободно.

Гоби высока как Яйла в Крыму. Она и лежит на широте Крыма, где зреют мандарины и виноград, а в Гоби растут только тамариски—дерева пустынь—да камыши — пища верблюдов. Зимой там холодно как в Якутии. Летним днем верблюды задыхаются от зноя, по ночам же, случается, замерзает вода. Гоби— как море.

Бури в ней опасны как морские штормы.

Тогда подымаются песчаные волны и захлестывают караваны. Песком засыпает реки и озера.

Гоби — сухое море.

На сотни километров там можно не найти воды. Если рыть колодцы,—до воды не дороешься.

Верблюд — корабль пустыни (на нем и качает как на корабле—без привычки ездоки хворают морской болезнью). Верблюд может идти без воды восемь дней, десять дней, двенадцать дней. Наконец, он падает и умирает. Кости верблюдов лежат среди песков как остатки потерпевших крушение кораблей.

Гоби опасна и заманчива как море. Она заманивает путешественников в свои опасные дали.

●

Недавно умер Петр Кузьмич Козлов, путешественник, который от молодости до старости, всю жизнь, пространствовал в степях и пустынях Центральной Азии.

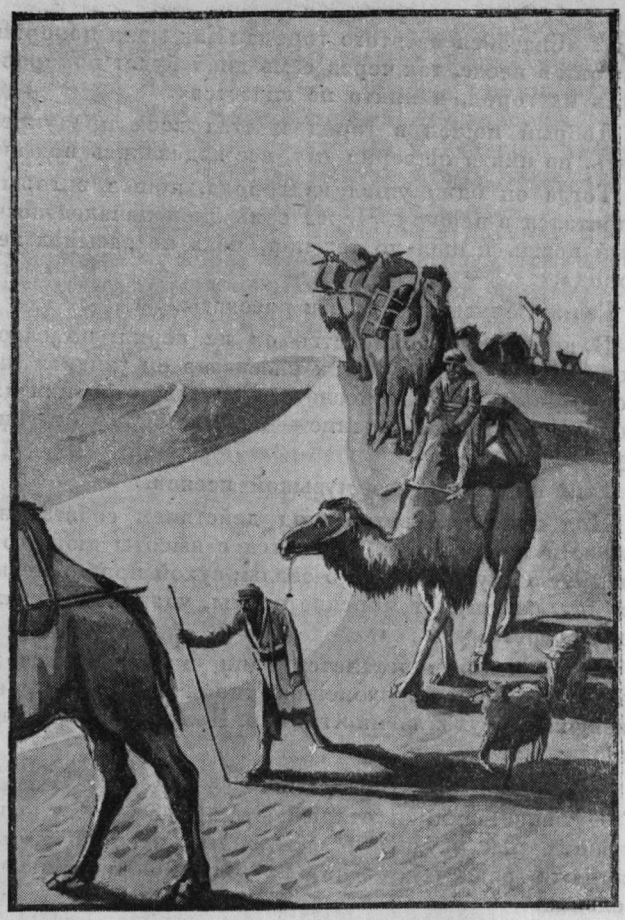
В Стокгольме живет Свен Людвигович Гедин (он часто бывал прежде в России, и звать его стали на русский манер). Он уже старик. Ему теперь 70 лет. А еще десять лет назад Свен Гедин и Козлов встретились в степях Монголии.

Свен Гедин — северный человек. Швед. Он родился и вырос в Стокгольме. Мальчиком он увлекался Норденшельдом, тренировал себя для полярных путешествий и мечтал открыть северный полюс.

А вот затянула его Азия. И стал он исследователем пустыни. Герои ЭПРОН разыскивают на дне морей затонувшие корабли.

Герои Гоби — Свен Гедин и Козлов — сделались искателями затонувших в песках городов.

По вечерам у костров на бивуаках Гедин любил слушать рассказы своих проводников. Вожатые верблюдов да старые пастухи знают много. Они изучили пустыню лучше чем ученые исследователи.



Караван в пустыне.

Только об'ясняют они ее природу по-своему.

Они думают так же, как думали тысячи лет назад древние люди.

Они продолжают верить, что пустыня населена демонами.

Кому случалось отстать от каравана и заблудиться в песках, тот слыхал таинственный зов демонов, будто человеческие голоса, будто трубы играют и грохочут барабаны. Беда, если человек пойдет на этот зов. Он никогда больше не возвратится.

Некоторым случалось попасть в мертвый город. В его домах и башнях скрыты клады. Но взять их нельзя: город заколдован. Один человек нашел там множество башмаков. Когда хотел их взять, башмаки в его руках рассыпались прахом. Другой нашел золото. Только набил он им свой мешок, как появилась огромная стая диких кошек и бросилась на него.

Человек, попавший в мертвый город, добром не кончает: что-нибудь да случится: или в песках погибнет или умрет черной смертью. Проклятый тот город. В старинных китайских книгах про него написано вот что:

«Был он богат и многолюден, но жили в нем жестокие жители. Раз пришел к ним чужой мудрый человек. А они его схватили и закопали в песок по шею. Только голову оставили над землей, чтобы подольше помучился и умер голодной смертью.

Но был добрый человек среди них. Он пришел ночью, принес пищи и помог закопанному выбраться из песчаной могилы. На прощанье мудрец сказал

ему: «Спасайся из этого города. Как меня похоронили они в песке, так через семь дней будет похоронен весь их город, и никто не спасется».

Добрый пошел в город и стал всех предупреждать, но никто не верил ему, все издевались над ним.

Тогда он один ушел из города, пошел в горы и спрятался в пещеру. Через семь дней начался песчаный дождь и шел до тех пор, пока не засыпал весь город».

Гедин записывал все эти рассказы.

В демонов и колдовство он не верил, но сквозь волшебную оболочку этих рассказов он узнавал много чрезвычайно интересного. Геологи и физики давно об'яснили это явление — зов демонов в глубине пустыни.

Они называют его музыкой песков.

Под влиянием ветра, под действием собственной тяжести пески текут, сыплются с высоты дюн, трутся друг о друга, бьются о скалы; сухой прибой песков шумит, как шумят морские волны, ударяясь о скалистый берег.

Когда человек останется один, шум каравана замолкает. Среди безжизненной тишины музыка песков зазвучит преувеличенно громко. Получается слуховой мираж.

И про мертвый город — не сказка.

Путешественники открывают в Гоби русла исчезнувших рек и впадин засыпанных озер. Где была когда-то вода, вероятно, находились человеческие селения.

Но пересечь Гоби прямиком через песчаные дюны было рискованным делом.

Первый караван Гедин снарядил летом в 1895 году.

Об этом его походе через западную часть Центральной Азиатской пустыни — безводную Такла-Макан — до сих пор вспоминают водители караванов.

Свен Гедин потерпел крушение. Семь из восьми прекрасных верблюдов пали один за другим. Двоих людей пришлось оставить умирать в песках.

Гедин сам едва дотащился до старого русла, на дне которого уцелело озерко воды. Он пил до тех пор, пока высохшее тело не налилось влагой. Тогда он ожил.

Силы вернулись к нему настолько, что он догадался наполнить водой свои непромокаемые сапоги и смог дотащить их как ведра на плечах до своего спутника, который лежал в песке и ждал смерти.

Кроме этого спутника еще двое вожатых и один верблюд были спасены встречным караваном.

●

Первый из мертвых городов Гедину удалось открыть только через несколько месяцев после трагического летнего похода в январе. Гедин решил, что зимой поход в пески менее гибелен. На этот раз он снарядил только четырех верблюдов.

Уже десятый день шли они по песчаным дюнам, когда увидали в ложбине мертвый лес.

Деревья не сгнили. Их стволы только высохли, выщербились от ветров и посерели. В эту ночь люди и верблюды согрелись у жарких костров.

На другой день караван добрался до мертвого города. Остатки домов высовывались из-под песка.

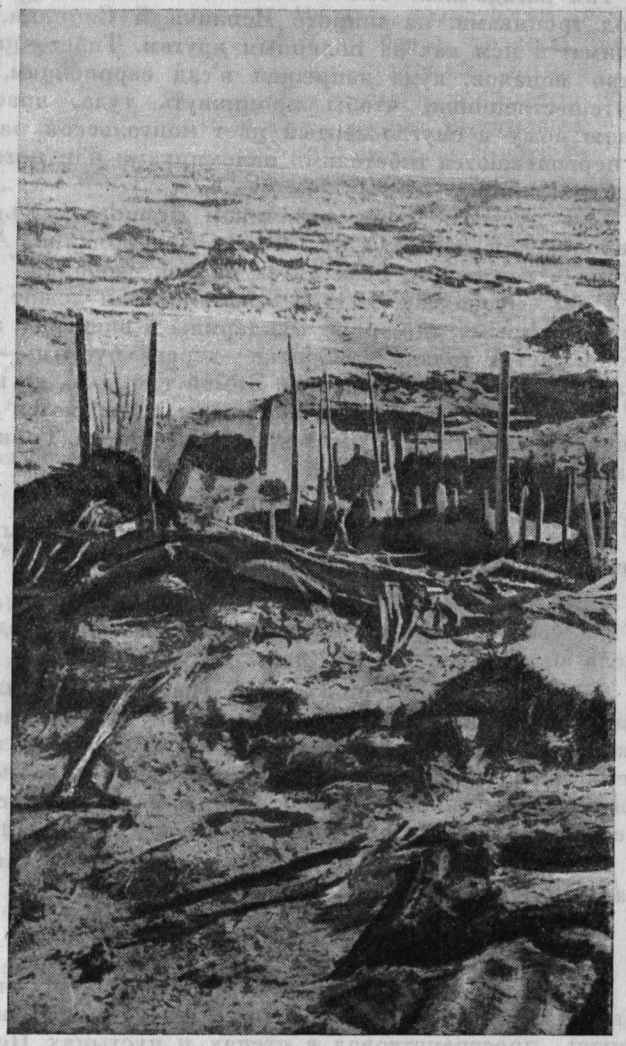
Скелеты тополей и фруктовых деревьев указывали место былых садов.

Около одной стены в песке валялось несколько каменных идолов. Здесь, должно быть, стоял храм.

Но лед в бурдюках, захваченный вместо воды, давно кончился. Производить раскопки без воды и без топлива было невозможно.

Гедин только тщательно определил широту и долготу места да попытался, поскольку можно было разглядеть в песках, набросать общий план города.

Гедин уже знал господствующее здесь направление ветров, с севера на юг, их силу и среднюю скорость движения песчаных дюн.



Развалины мертвого города в пустыне Такла-Макан.

На основании этих данных он высчитал, что прошло не менее 2000 лет, пока песчаные дюны продвинулись от этого места до южной границы пустыни.

2000 лет назад город был еще жив. Искусственные каналы орошали его сады. Он стоял на древнем пути через пустыню.

Свен Гедин решил отыскать этот древний путь.

Правильнее всего было исследовать старые русла рек и водоемы исчезнувших озер.

●

Путешественник П. К. Козлов еще в 1893 году открыл русло реки, высохшее полторы тысячи лет назад.

Гедин решил исследовать и занести на карту эту мертвую реку.

Экспедицию удалось осуществить только в марте 1900 года.

Зима еще не кончилась. Стояли 20-градусные морозы. Верблюды несли бурдюки с запасами льда.

Следуя по берегу высохшей реки, стали встречать развалины башен, целые леса мертвых деревьев. Экспедиция странствовала уже около месяца, когда однажды, отклонившись к югу от старого русла, она попала на глинистую поверхность, всю изборожденную оврагами и впадинами бывших озер.

В овраги ветром нанесло множество раковин, которые резали ноги верблюдам. Серые из'еденные ветрами стволы деревьев стояли точно мумии.

Вдруг передовые вожатые остановились. Что случилось?

Они указывали руками на глиняные холмы: развалины домов четко рисовались на их вершинах.

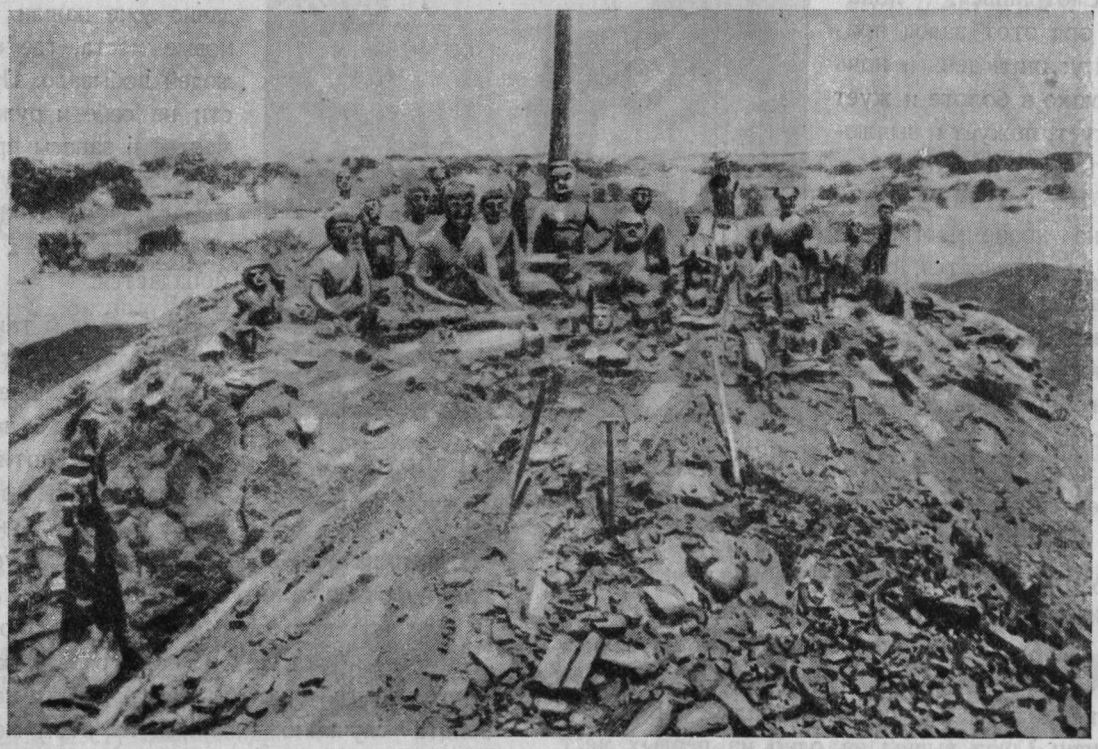
Каждая постройка стояла на отдельном холме: ветры за долгие столетия выдули между ними глубокие ямы.

Почти на поверхности попадались древние монеты, железные топоры, деревянные резные божки, доски с вырезанными на них письменами и изображениями, обрывки материй, веревки, клочки шерсти.

Глинобитная сторожевая башня высилась в отдалении. В этом городе, несомненно, можно было откопать клады, но задерживать здесь обессилевший караван было бы гибельно.

Гедин решил вернуться сюда через год.

(*Продолжение в следующем номере*)



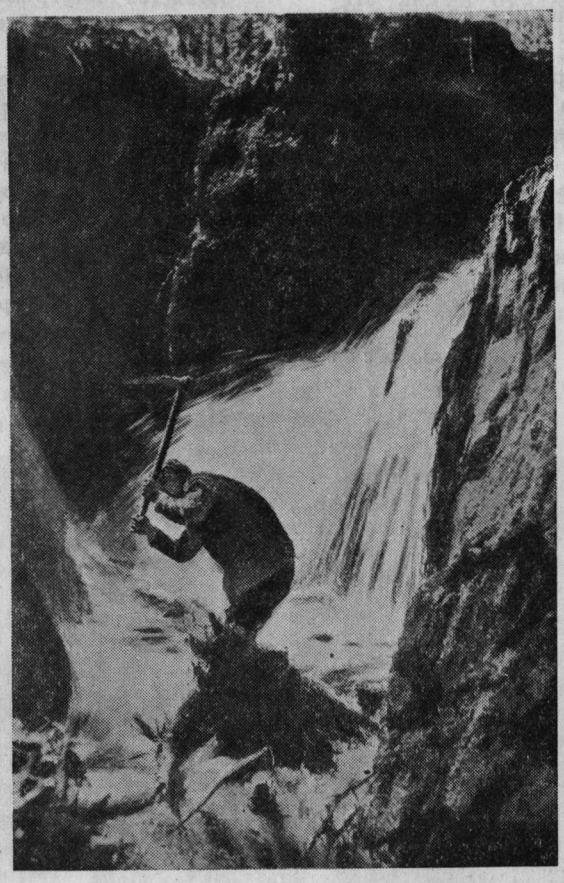
Глиняные и деревянные идолы, откопанные П. К. Козловым в мертвом городе Хара-Хото, в пустыне Гоби, в 1909 году.

Открыватели золота

Непроходимая, густая тайга. Сопки Болота. Кругом на сотни километров ни жилья, ни тропинки... И вдруг посреди тайги какая-то махина. Нето завод, нето корабль. Труба как у корабля, и склянки бьют по-корабельному, и вода кругом, а все-таки не корабль. Какой же корабль, если ему плыть некуда? Скорее все-таки завод. А что он здесь делает, этот завод?

Если присмотришься, — покажется, что зря этот завод привезли в тайгу: он и день и ночь стоит по брюхо в болоте и жует землю. Пожует, пожует и выплюнет, и опять жует без конца.

Разжует все кругом и вдруг поползет на новое место. Вот так завод! Оказывается, он не стоит на месте, а ползает. Завод этот называется драгой. Он добывает золото. Золота немного в земле, и нужно горы породы перемыть, чтобы добыть килограмм золота. А каждая драга за год добывает десятки и сотни килограммов.



Открыватель за работой.

Прежде у нас было мало драг — меньше десятка, да и те привезли иностранцы, чтобы выкачать из нашей земли золото. А теперь мы сами научились строить драги, и сейчас много таких ползающих заводов жуют землю в Сибири и на Дальнем Востоке. Не даром наш Союз вышел на одно из первых мест в мире по добыче золота.

Нелегко поставить драгу в тайге: тяжелые части приходится везти по непроходимым лесам, приходится прорубать целые просеки, чтобы лошади и люди смогли протащить громоздкие части. Привезут разобранную драгу, соберут, поставят, а тайга уже опять затянула просеку. И везти драгу на новое место еще труднее.

Поэтому, прежде чем ставить драгу, надо хорошенько разведать местность, узнать, есть ли там золото и много ли его.

Чтобы найти новые богатые золотом места, идут отважные разведчики-открыватели по тайге, по болотам, по горным речкам. Смотрят, нет ли где следов золота, не попадется ли кусочек кварца с золотой прожилкой; роют ямы — шурфы — и в деревянных лотках перемывают породу.

Не легко быть разведчиком-открывателем. То золото, которое лежало в доступных местах, давно уже нашли. Надо искать новые места, где еще не много людей побывало. Приходится нести на себе и ружье, и инструменты, и запасы продовольствия. Ведь золото сразу не найдешь. Бывает, что год ищет открыватель и два года, а золото все не попадается.

Но бывает и так, что наберет открыватель в лоток земли, размоет водой, сплеснет муть, и сверкнут среди песка и камней крошечные золотинки. Тогда открыватель смоет дочиста всю породу, выберет руками камешки, высушит на огне золотые крупинки, сдует пыль и прикинет на глаз, много ли золота.

Если есть полдоли с лотка, с пуда породы,—значит, стоит мыть дальше и надо разведывать местность кругом. А то может быть, что только маленькая кучка золота случайно попалась на этом месте, а кругом пустая земля.

Вот когда все разведано и уже уверен открыватель, что нашел богатую россыпь, тогда он идет в ближайший город, и оттуда приходят на открытое место инженеры, геологи, техники. А за ними следом, когда и они подтвердят, что золота много, несут разобранную драгу.

Вот так и вырастают в тайге ползающие заводы, жуют землю, выбирают из нее драгоценное золото.

А разведчики-открыватели идут дальше с деревянными лотками, с кайлами и с лопатами и готовят новые россыпи для новых драг.

ПРЫЖОК В БУДУЩЕЕ

Каждый день почтальон приносит в редакцию целую пачку писем ребят. Среди них почти всегда есть несколько писем про будущую Москву.

Мы выбрали самые интересные письма и даем из них небольшие отрывки.

Многие ребята теперь уже не только фантазируют, но и сами стараются сделать что-нибудь. Один наш деткор сейчас проектирует мебель, которая будет убираться в стены, и такой диван, который может заменить и стол и буфет. В отряде 7-х классов 29-й школы ЛОНО ребята начали проектировать грандиозный пионерский парк культуры и отдыха.

А одна девочка решила изобрести летательный аппарат, который может летать на любую планету.

Если кто-нибудь из ребят тоже начал делать какие-нибудь новые машины, пусть напишет нам о своих изобретениях.

СЕВЕРНЫЕ ПАЛЬМЫ

Одесса, Большой фонтан, 16-я станция, детский комбинат водников, костное отделение

Главное внимание в будущем будет уделено здоровью и тому, как можно лучше провести человеческую жизнь. Погода, солнце, земля—все будет покорно людям. Тогда не увидишь кочегара, который изнывает от жары около своей кочегарки. Не только кочегарка, а все корабли, самолеты, автомобили будут управляться по радио и электричеством. Изготовление пищи будет устроено совсем просто. Нажал кнопку — ток включен, и электричество подогревает пищу.

Захочешь побывать на луне — сел в такую кабину, вроде ракеты, и через час и несколько минут благополучно добрался к месту назначения.

На севере будет растительность не хуже южной. Наверно, там даже будут расти пальмы вышиной метров в 300.

Это будет такое время, что никому не захочется умирать.

ЖЕНЯ СМЕКАЛОВА

СТАНЦИЯ НА ШПИЦБЕРГЕНЕ

Москва, Никитский бульвар, д. № 19, кв. 20

...Множество летательных машин, вроде стрекоз, будет летать в воздухе. Эти машины смогут подыматься и опускаться почти вертикально—им ненужна будет большая посадочная площадка. Эти «стрекозы» будут служить для перелетов на небольшие расстояния, а чтобы перелететь из города в город, мы выстроим стратоплан. Эти стратопланы с виду похожи немного на дирижабль, только с маленькими крыльями и хвостовым оперением. Летать же будут через стратосферу, потому что там воздух более разрежен и можно достичь большой скорости.

Физики путем бомбардировки атомного ядра получат металл, очень крепкий, прочный и легкий. Из этого металла и будут делать «стрекозы» и стратопланы.

На Шпицбергене расположатся новые станции. Там будут замораживать людей. Биологи найдут новый способ. Если ты хочешь сделать прыжок в будущее, то отправляйся на Шпицберген. Там тебя в особых ящиках заморозят, и в тебе прекратятся все жизненные процессы. Через несколько десятков лет тебя отогреют, и ты снова будешь жить.

Так можно будет прожить столетия и видеть все изменения, которые произошли за это время.

АЛИК ЛАЗАРЕВ

МЫ ЛЕТИМ НАД ЛЕНИНГРАДОМ

Ленинград, Володарский район, 11-я школа, 6-й класс

Мы идем по улицам Ленинграда. Дома похожи на дворцы. Мы заходим в один из этих домов. В нижнем этаже помещаются гараж и механизированная прачечная, во втором этаже—столовая и роскошный кинозал, остальные пять этажей занимают квартиры. В комнатах так чисто, что мы даже поражаемся. Нет ничего лишнего, вся мебель может убираться в стены, если нужно, чтобы комната была свободна. В каждой комнате радио и телевизор с небольшим экраном. Можно сидеть дома и видеть, что происходит в театре. На крыше дома можно взять авиэтку. Мы поднимаемся на крышу, и вот через несколько минут мы летим над Ленинградом. С высоты 300 метров мы видим, что три четверти площади города занимают парки и сады. В Ленинграде теперь почти всегда хорошая погода. Однако пора... Нам нужно лететь в Москву. В воздушном порту нам подают дирижабль, и мы отлетаем в столицу.

ВАСЯ СЕРКОВ

ПОЧТА доктора Звенового

Письмо Нюры Романовской.
Москва, Казарменный переулок, д. № 8-а, кв. 16

150 тысяч ребят в Советском союзе полностью сдали нормы и уже имеют значок „Будь готов к труду и обороне".

Но многие ребята сдали в этом году только летние нормы, им осталось сдать последнюю норму—ходьбу на лыжах. Мальчики 13—14 лет должны пройти на лыжах 3 километра по пересеченной местности в 22 минуты, а девочки—2 километра в 18 минут.

А если кто-нибудь из ребят не успел сдать норму по плаванию, пусть поедет в водный бассейн. Такие бассейны есть во многих больших городах, и там можно купаться хоть всю зиму.

Нюра Романовская права: если хочешь быть хорошим физкультурником, — занимайся всеми видами спорта.

КАК Я БЕГАЮ

Я раньше очень мало занималась физкультурой. Одно время мне врачи не разрешали, потому что я была больна, а потом как-то и сама не интересовалась. В этом году к нам в лагерь приехал Серафим Знаменский. Он так интересно рассказывал о том, как он готовится к спортивным состязаниям и как тренируется, что мне тоже захотелось попробовать, как я бегаю.

Я записалась в легкоатлетическую секцию. У нас был очень хороший инструктор по физкультуре, и я очень увлеклась спортом.

Сначала у меня плохо выходили прыжки в высоту. И поэтому я больше всего занималась прыжками. Я не только занималась в секции, но и одна тренировалась под наблюдением инструктора и врача. С каждым днем я чувствовала себя все лучше.

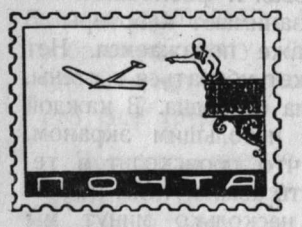
Перед закрытием лагеря мы провели спартакиаду. Я бежала на 60 метров. Так как я первый раз участвовала в соревнованиях, то очень волновалась. Все думала: а вдруг я споткнусь и упаду.

Но вышло все хорошо. Я прибежала первой.

Потом в Москве была районная спартакиада. Тут у меня получилось не очень хорошо. Я слишком долго «засиделась» на старте, все девочки, которые со мной бежали, ушли далеко вперед, когда я тоже побежала. Я не знаю, почему это так получилось. Наверно, от волнения. Дистанция была длинная — 400 метров. Все девочки сначала побежали очень быстро, а потом стали уставать. Тут я вспомнила слова Серафима Знаменского, что на большие дистанции надо бежать всегда ровно, только к финишу ускорить бег. И я побежала очень ровно и следила за дыханием.

Девочки стали выбиваться из сил. А я бежала спокойно и понемногу стала их обгонять. К финишу я опять пришла первой. Потом я тоже участвовала в городской спартакиаде. Теперь я очень увлекаюсь физкультурой. Но больше всего мне нравится бег. И я думаю, что мне этой зимой надо будет научиться очень хорошо кататься на коньках. Ноги будут крепки, и я смогу бежать на большие дистанции с хорошим временем.

У нас очень многие ребята увлекаются физкультурой. И в этом году наш отряд решил обязательно каждый выходной день бегать на лыжах и на коньках, научиться так бегать, чтобы можно было устраивать спортивные состязания.



Письмо Бори Комарова.
Расторгуево, Спасская ул., д. 161

СОРЕВНОВАНИЕ САМОЛЕТОВ

Однажды я прочел книжку Николая Бабаева «Юные авиостроители» и решил сам сделать модель аэроплана. Мама купила мне планер, который запускался с резинки. Сначала я заинтересовался им, а потом захотелось самому сделать такой же.

Я сделал модель аэроплана из длинных тоненьких палочек. А между ними была наклеена бумага.

Но летал мой самолет плохо. Наверное, это было потому, что я сделал маленький стабилизатор, а потом бумага была очень толстая, а нужна для аэроплана тонкая, папиросная.

Все мои товарищи тоже любят делать авиомодели. Иногда мы собираемся у меня дома и пускаем с балкона свои модели. Особенно хорошо их пускать, когда есть хоть небольшой попутный ветерок.

У меня был один планер, который очень хорошо летал. Но как-то раз я попробовал его пустить после дождя, и он расклеился. Мне это было очень обидно, потому что ни один планер у меня не летал так хорошо.

Однажды мы устроили соревнования наших самолетов. В них участвовали Олег Арапов, Вова Гуськов, Виталий Тарасов, Саша Лачинов, Вова Климентьев и я. Первый раз мой планер пролетел дальше всех. А второй раз он опустился очень близко, ближе всех моделей ребят, а дальше пролетел планер Олега Арапова. Почему это так получается, я не знаю. Может быть, я его плохо пустил, но, по-моему, я его пустил точно так же, как и первый раз. Теперь я хочу сделать летающую модель самолета. Когда сделаю, напишу.

Письмо
Фридриха Цунина.

Курская область,
Свердловский р-н,
с. Никольское

СМЕШНОЙ СЛУЧАЙ

Я хочу рассказать один смешной случай, который произошел в нашем классе. Дело было на уроке истории. Учитель Андрей Иванович вызвал одного ученика — Ершова — и спрашивает его:

— Скажи мне, в каком году происходило гуситское движение?

А ученик Ершов так растерялся, что и говорит:

— Это было в 1967 году.

Все ребята расхохотались. А учитель говорит ему:

— Но послушай, дружище, ведь мы-то и то только живем в 1935 году!

Тогда ученик Ершов немного подумал и говорит:

— А... Это было до нашей эры.

Письмо
Лели Хлебниковой.

Москва. 6-я школа,
Фрунзенского района,
IV класс

СЕДЬМОЕ НОЯБРЯ

7 ноября, рано утром, меня разбудила мама. «Вставай! — сказала она. — На Красную площадь поедешь с дядей Васей». Я так и оторопела: я не знала, что мне сказать от радости. Я никогда за всю свою жизнь не была на Красной площади во время парада. Я так хотела посмотреть парад на Красной площади. Но теперь я увижу не только парад, а увижу вождей, которых я так давно хотела видеть своими глазами. Я быстро оделась, наскоро поела. И мы с мамой пошли на Крымскую станцию метрополитена. Там мы с мамой ждали дядю Васю, с которым я должна была ехать на Красную площадь. Но вот мы ждем уже пятнадцать минут, а дяди все нет. Я уже заволновалась, а вдруг он не приедет, что тогда делать, что я буду рассказывать в школе своим ребятам, когда они меня спросят, как я провела праздник. Вот я вижу свою подругу из моего класса, она тоже со своим папой идет на Красную площадь. Меня еще больше взяло волнение. Уже стрелка на часах показывает двадцать минут девятого, а дяди нет да нет. Но вот в толпе показался и он, я прямо запрыгала. Он меня взял за руку и мы пошли. Мы сели в вагон метро, и он нас быстро подвез к станции «Дворец советов». На Красной площади мы стояли недалеко от мавзолея и я могла очень хо-

рошо видеть товарищей Сталина, Молотова, Микояна; а товарища Ворошилова я видела, когда он верхом на коне об'езжал свои войска и здоровался с ними, поздравлял с великим праздником. Я видела, как проходили военные части. И видела, как проходил мой папа в строю академии имени Фрунзе.

Особенно мне понравилось, как прошли велосипедисты и танки. Когда окончился военный парад, за мной пришел мой папа, и мы сошли вниз, ближе к трибуне, тут я очень хорошо видела всех наших вождей. Потом мне папа стал рассказывать про товарища Блюхера. Мой папа очень хорошо знает товарища Блюхера. Он с ним вместе воевал на Перекопе. Вдруг мы обернулись, и папа мне говорит: «Смотри: вот как раз идет сюда товарищ Блюхер». Папа подошел к нему и познакомил меня с ним. Я не думала, что я когда-нибудь так близко буду видеть и даже здороваться с товарищем Блюхером. Он посмотрел на меня и улыбнулся. После короткой беседы с папой он сказал мне: «Ну, давай лапу, девчушка!» И с той же улыбкой отошел от нас. По окончании парада Красная площадь быстро вся заполнилась колоннами демонстрантов. Было много цветов и знамен. Вот как я провела праздник 18-й годовщины Октября. Этот день я никогда не забуду.

Письмо
Миши Алексашина.

Горьковский край,
Б. Мурашкино,
ул. Свободы, д. № 52

АЭРОПЛАН НА ЛЫЖАХ

Я решил сделать модель аэроплана, не маленькую, а такую, чтоб в нее можно было садиться.

Размеры я высчитал такие: длина фюзеляжа — 3 метра, размах крыла — 3 метра на 80 сантиметров. Заднее крыло—1 метр на 50 сантиметров. Пропеллер — 1 метр. Высота аэроплана на колесах — 150 сантиметров.

Около нас растет только сосновый лес. Поэтому я стал делать все части из сосны. Когда все части были сделаны, я стал их обшивать. У меня не было фанеры и маленьких гвоздей. Но нас собралось уже трое: я, Карташев и Крутов,— и общими усилиями мы это достали. Когда мы все обшили, оклеили фюзеляж и крылья, Карташев написал чернилами марку «АМ-5 СССР».

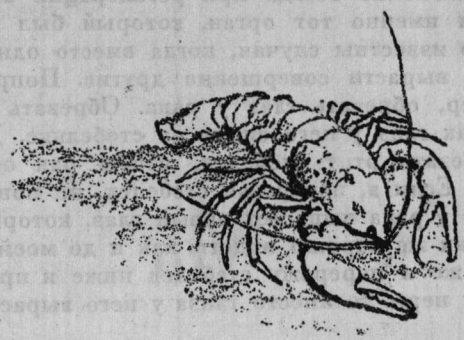
Я первый влез в кабину самолета, стал вертеть пропеллер, к которому была приделана трещотка, заменявшая мотор. Эта трещотка была устроена для вращения пропеллера.

Мы сделали большой железный прут, на конце которого была ручка. По середине этого прута было приклеено колесо с зубцами, по которому при вращении стучала фанера. Трещотка трещала как мотор у аэроплана.

Когда выпал снег, мы железными ремнями прикрепили аэроплан к лыжам и поехали кататься. За нами бежало много ребят и просило их покатать.

Мы с'ехали на замерзшую реку и всех поочереди покатали. Ребятам это очень понравилось. Но после этого катания с нашим аэропланом случилась беда: мы поставили его на пол в кладовой, а когда через две недели зашли, то от аэроплана остался фюзеляж, обитый фанерой, а всю оклейку у нас с'ели мыши. Пришлось его ремонтировать.

После ремонта мы его поставили на дилижанс. Руль дилижанса под аэропланом работал хорошо. Чтобы управлять аэропланом, нужно было одному ложиться на дилижанс, под аэроплан, и при помощи передней лыжи управлять, а другой садился в кабину.



ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ СВОЙСТВО

В. Замараев

Рисунки Б. Берендгофа

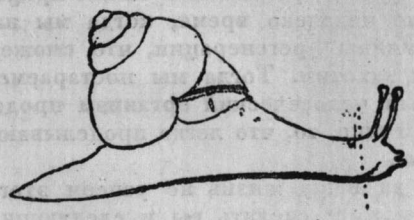
Человеку трамваем отрезало ногу, и он калека на всю жизнь! Новую ногу не вырастишь. Ему остается только завидовать некоторым низшим, более просто устроенным животным, какому-нибудь тритону, например. Если на тритона нападет сильный враг и отъест ему ногу, то он вовсе не останется безногим на всю жизнь. Через несколько дней на обрубке откушенной ноги образуется бугорок. Бугорок этот растет, на нем начинают появляться пальцы, и через некоторое время вновь выросшая нога почти ничем не отличается от той, которая пошла на завтрак тритоньему врагу.

Это явление мы называем восстановлением, или регенерацией. Некоторые животные так приспособились, что сами отрывают себе ноги или хвосты, спасаясь от врагов. Попробуйте схватить ящерицу за хвост. Думаете, поймали? Она может сама оторвать себе хвост и, оставив его вам на память, исчезнуть среди корней и травы. Свобода для нее дороже нескольких недель, проведенных без хвоста.

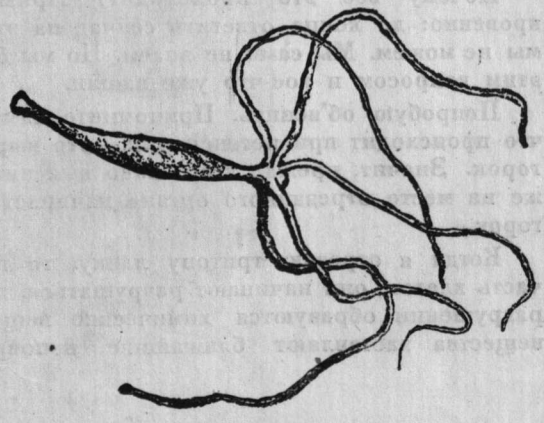
Чем проще устроено животное, тем легче у него восстанавливаются утраченные части. Правда, не всегда. Есть некоторые низшие животные, у которых регенерации совсем не бывает. Из всех животных наиболее сложно устроенным является человек, и именно потому отрезанная нога у него не может вырасти вновь.

Ну хорошо, ногу он не может вырастить, а палец? И палец не может. Значит, ничего не может. Нет, кое-что может восстановиться и у человека. Если человека поранить, вырезать у него кусочек кожи, то рана заживет и кожа восстановится. На месте ранки останется лишь небольшой рубчик, но современем и он может бесследно исчезнуть, особенно если ранка маленькая.

Нам очень важно изучить, как происходит регенерация у человека, потому что тогда нам легче было бы лечить его раны. Но изучить регенерацию на человеке трудно: у него она очень небольшая, и опытов никаких на человеке ставить нельзя. Поэтому регенерацию мы сейчас изучаем на животных, а потом уже полученные знания пытаемся применить для лечения людей.



НОВАЯ ГОЛОВА



Я рассказал вам о регенерации ноги и хвоста, а могут ли восстанавливаться какие-либо другие органы? Ну, положим, голова? Если обрезать животному голову, сможет ли оно жить без нее и вырастит ли современем новую? Уж более полутора сот лет назад знаменитый французский писатель Вольтер произвел любопытное наблюдение над садовыми улитками. Работая в своем саду и уничтожая сорные травы и улиток, которые вредят растениям, он заметил, что улитки с отрезанными головами не умирают, а остаются живыми и даже могут вырастить новую голову. Тогда Вольтер собрал много улиток и несколько лет он изучал эту удивительную способность и в конце концов пришел к выводу, что если обрезать голову улитки сразу с щупальцами, как показано на рисунке, то она вырастет снова. Однако, если при этом он повреждал «мозг», то новой головы уже не вырастало. Позднее такие опыты делали и с другими животными. Мы знаем теперь, что если отрезать головной конец тела у дождевого червя или просто разрезать его пополам, то при этом каждая половина дорастит себе нехватающую, и у нас получится два червя. Но вот еще более интересный случай. В наших болотах и прудах можно иногда найти маленькое существо ввиде ниточки, длиной не больше сантиметра. Одним концом эта

ниточка прикрепляется к водорослям и камням, а на другом у нее несколько еще более тонких щупальцев. Это гидра. С ней мы с вами можем сделать уже совершенно невероятные вещи. Это и без того крошечное существо можно разрезать на полтораста—двести частей, и в некоторых случаях одна двухсотая часть ее вырастет в целое животное. Правда, не каждый маленький кусочек может восстановить целую гидру (лучше всего регенерируют кусочки, вырезанные из передней части животного, недалеко от щупальцев). Но все же рядом удачных разрезов мы можем в короткий срок приготовить из одной гидры целую кучу новых животных.

Однако не всегда при регенерации восстанавливается именно тот орган, который был поврежден Давно известны случаи, когда вместо одного органа могут вырасти совершенно другие. Попробуем, например, обрезать глаз у рака. Обрезать его легко, так как глаз у него сидит на стебельке. Достаточно перерезать этот стебелек, чтобы рак остался без глаза. Если я, перерезая стебелек, не повредил нерва, то у рака вырастет новый глаз, которым он сможет так же хорошо видеть, как и до моей операции. Если же я перережу стебелек ниже и при этом повреежу нерв, то вместо глаза у него вырастет усик.

ДЕСЯТИГОЛОВЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Не менее странные результаты можно иногда получить на маленьком водяном червяке-планарии, который часто встречается в наших болотах на листьях водяных растений или в иле. Если отрезать ему голову сейчас же за глазами, то вместо восстановления заднего конца может вырасти вторая голова, направленная назад, другими словами, получится червяк с двумя головами, но без хвоста. Планарии вообще регенерируют исключительно хорошо, и с ними можно проделать много интересных опытов. Например, если надрезать голову планарии вдоль, то получится животное с одним хвостом, но с двумя головами. Если каждую из этих голов еще раз разрезать вдоль, то образуется уже четырехголовый червяк. Одному нашему ученому удалось таким образом получить планарию с десятью головами.

В чем же причина?

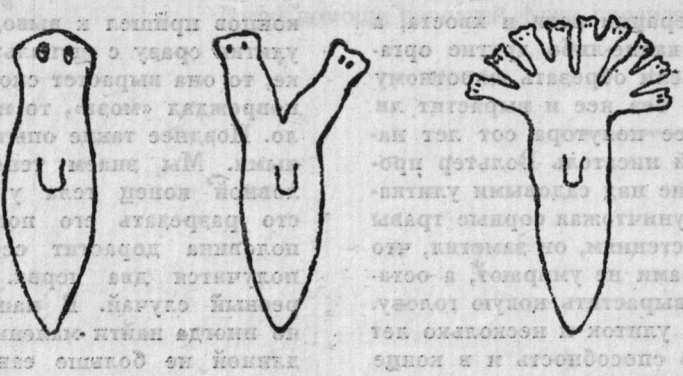
Почему все это происходит? Признаюсь откровенно: до конца ответить сейчас на этот вопрос мы не можем. Мы сами не знаем. Но мы бьемся над этим вопросом и кое-что уже нашли.

Попробую об'яснить. Припомните сами: первое, что происходит при регенерации,—это вырастает бугорок. Значит, прежде всего надо выяснить, почему же на месте отрезанного органа начинает расти бугорок.

Когда я отрезаю тритону лапку, то повреждаю часть клеток; они начинают разрушаться, и при этом разрушении образуются химические вещества. Эти вещества заставляют ближайшие неповрежденные клетки усиленно размножаться. Количество клеток увеличивается, и на месте пореза вырастает бугорок. Правда, это только одна из причин. Очень важную роль при регенерации играют и нервы. Если я сделаю ранку на боку тритона, недалеко от задней ноги, то ранка просто заживет, и больше ничего не случится. Однако если я подтяну к этой ранке нерв, то через некоторое время на месте ранки образуется бугорок, потом в нем начнут намечаться пальцы, и, наконец, у тритона вырастет пятая нога. Какую же роль сыграл тут нерв? Давайте возьмем тот же нерв и снова подтянем его к ранке, но на этот раз сделаем ранку не около ноги, а вблизи хвоста. Снова вырастет бугорок, но пальцы на нем уже не появятся, а через некоторое время бугорок вырастет во второй хвост. Так как нерв мы брали один и тот же, то, очевидно, он важен только для того, чтобы регенерация началась. А что именно вырастет: нога или хвост,—это уже, повидимому, будет зависеть от свойств тех клеток, из которых образовался бугорок.

Много еще осталось неясных вопросов. Но с каждым годом мы все глубже проникаем в тайны природы, и я думаю, уже недалеко время, когда мы настолько изучим причины регенерации, что сможем направлять ее, как захотим. Тогда мы постараемся заставить и сложный человеческий организм проделывать, хотя бы частично, то, что легко проделывают ящерицы и тритоны.

Ну, а если мы за нашу жизнь не успеем этого сделать, то нам поможете сделать вы и следующие поколения людей.



„МУРКА“

Это „Мурка“, одна из обитательниц Московского зоопарка.

Посмотрите на фотографию: ласковый, мирный зверек, настоящая домашняя кошка. А в действительности это дикий, хищный зверь — рысь; попадись ей в лапы — не обрадуешься.

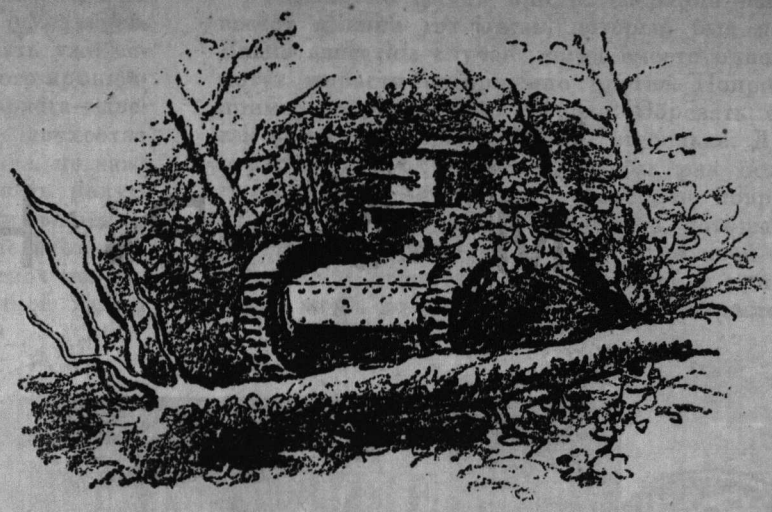
Рыси живут в лесах, и у нас, в Советском союзе, они водятся почти всюду. Нападают они не только на мелкую дичь, но и на крупных животных, даже на громадных лесных оленей — лосей.

Подстерегает рысь свою жертву, сидя на дереве. Когда добыча подойдет достаточно близко, рысь прыгает на нее и разрывает когтями и зубами.

Рысь Зоопарка „Мурка“ попала в капкан передней правой лапой. Она так старалась вырваться из капкана, что почти оторвала себе конец лапы, стиснутый капканом. Пришлось сделать операцию и удалить лапу.

Рысь можно сразу узнать по длинным кисточкам на кончиках ушей.

КУДА ДВИГАЛСЯ ТАНК?



Шоссе прямой асфальтовой лентой, прорезая поле, шло через лес и где-то на горизонте подымалось в гору, словно упираясь в начинающее розоветь на утренней заре небо.

Три разведчика головной заставы осторожно, поминутно озираясь, вышли на асфальтовую дорогу. Всю ночь шел осенний холодный дождь. Мокрый асфальт шоссе блестел как полированный.

Держа винтовки наготове, разведчики медленно начали подвигаться к лесу.

— Нет, мы ничего здесь не найдем. Все следы смыты дождем,—заметил один из них.

— Это верно. Когда бывает пыль или грязь, тогда легче разобраться в следах,— согласился второй.

Разговаривая, разведчики осторожно все же продвигались вперед.

Вдруг один из них неторопливо дернул товарища, идущего впереди, за рукав.

— Смотрите, смотрите,—зашептал он,—здесь шел тяжелый танк.

В раскисшей от дождя обочине шоссе, на земле, виднелись хорошо заметные следы от гусеничных передач. Эти следы вели в сторону от шоссе, шли через канаву, пересекали проселочную дорогу и уходили в молодой частый кустарник, росший невдалеке от шоссе.

Разведчики остановились. Никаких сомнений: здесь прошел танк.

— Нужно двигаться по следам и сойти с шоссе,—заметил один из разведчиков.

— Почему ты думаешь, что танк шел с горы по шоссе и, свернув здесь, направился через кустарник в сторону, а не наоборот: вышел из кустов и здесь, свернув на шоссе, пошел по нему в гору?

— Это действительно,—согласился первый.

Пока два разведчика пытались по следам на шоссе определить направление танка, третий рысцой побежал к кустам и через минуту вернулся обратно.

— Вопрос ясен, — авторитетно заявил он товарищам.— Танк вышел из кустов, взобрался на шоссе и пошел к лесу, в гору...

— А почему ты это знаешь?— нетерпеливо перебили они его.

— Это же очень просто догадаться, — засмеялся он. — Но я не скажу вам, почему я узнал. Попробуйте догадаться сами.—И смеясь добавил: — Разведчик должен быть очень наблюдательным.

Шахматный отдел

ПЕРЕПИСКА С ШАХМАТИСТАМИ

Под редакцией С. М. ШПРЕХЕРА

В шахматных партиях, напечатанных в № 19 журнала «Пионер», по техническим причинам вкралось несколько опечаток.

Эти опечатки были замечены рядом наших читателей. Ошибки эти так легко найти и исправить, что мы не считаем нужным печатать вышеуказанные партии вторично.

Н. Слюсарь и Г. Слюсарь **(Сходня, Октябрьской ж. д.). Учительнице *Мошковой*** **(Лопуховка, Саратовского края) и многим другим.**

Вы пишете, что не можете разбирать шахматные партии, так как не знаете, что означают знаки «:», «×», «+», «?», «!».

Очевидно, вы нерегулярно читаете шахматный отдел «Пионера», где значение этих значков уже было об'яснено (в № 14).

Знак «:» обозначает, что фигура или пешка взята, знак «+» означает шах королю, знак «×»— мат, «?»—плохой ход, «!»—хороший ход, «0—0» обозначает рокировку.

Решение задачи В. НЕДОСПАСОВА, помещенной в № 19 журнала «Пионер».

Белые: Крa5, Лd7, Ch6, Ке5, КС1, п.d3(6).

Черные: Крс5, Лf1, Cg8, п.с6, d4 (5). Мат в 2 хода.

Задача В. Недоспасова составлена на «тему Навотного», названную так по фамилии ее изобретателя.

Сущность этой темы заключается в перекрытии фигур.

Решение задачи следующее:

1. Ке5 — f7! — перекрывая слона и ладью черных и грозя матом конем на b3 и слоном на f8.

Если черные бьют коня f7 ладьей, то тем самым они перекрывают своего слона и получают мат конем на b3.

Если же они бьют коня f7 слоном, то перекрывают свою ладью и получают мат слоном на f8.

Эта хорошо задуманная задача имеет побочное решение: 1. Ch6— d2 и следующим ходом мат на b4, однако это легко можно исправить, если поставить белую пешку на d2.

Правильно решили задачу В. Недоспасов, Г. Журавлев (Саратов), В. Айзенбуд (Одесса).

Эти рисунки сделаны художником Бабичевым к рассказу известного русского писателя.
Как называется этот рассказ, и кто его автор?

Что это за история?

1

2

3

4

5

6

7

8

Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР** Худ. редактор **М. АСКИНАЗИ** Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Сдано в набор 17/XI — 1935 г. Подписано к печати 10/XII — 1935 г. Изд. № 1145. Формат 62×94 см. 3 п. л. 55 000 зн. в печ. л.

Уполномоченный Главлита № Б—9000 Заказ № 2443 Тираж 60 000.

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.

Цена 30 коп.

М 8739